

Наталья Гимон

Призраки памяти

литературный конкурс

Проект особого
значения

12+

Наталья Гимон

Призраки памяти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66573342

SelfPub; 2022

Аннотация

Если ты – неудачница, посмешище для всего колледжа, груша для битья, то ты либо ломаешься, либо становишься твёрже закалённой стали. Это аксиома. Сложнее, когда появляется кто-то, кто начинает относиться к тебе не так, как все. А если он не тот, за кого себя выдаёт, но ты для него очень важна? Тогда тебе придётся раскрыть тайну, центром которой являешься ты сама.

Наталья Гимон

Призраки памяти

Меня зовут Анжела. Мне двадцать лет. Но, кажется, в моей жизни не хватает чего-то очень важного. Чего-то, о чём я не могу вспомнить...

Лежать было удобно – не очень жёстко и в то же время не проваливаешься на рыхлой перине. Открыв глаза, я повернула голову и осмотрелась – светлая комната, похожая на больничную палату, небольшой стол у окна, заставленный маленькими коробками, пузырьками и склянками и с аккуратной невысокой стопкой бумаг на краю.

Рядом с моей лежанкой на стуле сидела женщина в белом халате – моложавая, с приятным добрым лицом и светлыми кудрями волос. Почувствовав моё движение, она отложила открытую на коленях книгу в мягком переплёте и обернулась:

– С пробуждением, – улыбнулась женщина и, встав, пошла куда-то мне за голову.

– Где я? – просипел чей-то голос, и через секунду я с ужасом поняла, что странный сип принадлежит мне самой.

– А ты не помнишь? Ты потеряла сознание на занятиях, и тебя принесли в мои пенаты. – По голосу я поняла, что она улыбается. – Так что это – вовсе не преддверие рая, а всего

лишь медкомната, – бодро закончила она и снова возникла передо мной, на этот раз держа в руках маленький шприц и скомандовав: – Поворачивайся.

Без лишних слов я перевернулась на живот и почти не почувствовала боли от укола. В моей голове тесным роем вертелись картинки. Маленький домик с аккуратным крыльечком. Невысокая темноволосая женщина, порхающая на старенькой кухне. Мужчина, читающий газету перед включенным телевизором. Взъерошенный мальчишка, светловолосым торнадо врывающийся в дом вместе с красавцем ретривером золотистого окраса. Где-то внутри меня чей-то голос упорно нашёптывал, что это – моя семья и мой дом. Но беда в том, что я этого не помнила, словно это была память другого человека.

– У тебя такой потерянный вид, – сочувственно сказала женщина.

– В голове всё путается, – пожаловалась я, и она покачала своими кудряшками:

– Это неудивительно. Ты, когда падала, ударилась затылком о край стола. Ты знаешь что, – женщина сплела пальцы в замок, принимая какое-то решение, – ты лежи пока. А попозже мы тебя в больницу отвезём. А мне пока отлучиться надо. Договорились?

Оставшись одна, я попыталась вспомнить, как же меня угораздило грохнуться посреди лекции. Рассказ медсестры услужливо облачился незнакомыми «воспоминаниями» со

всеми подробностями, но ехать в больницу мне всё же совершенно не хотелось. Ну, ни грамма! Поняв это окончательно, я потихоньку сползла с кушетки. Голова кружилась, ноги заплетались, во рту ощущался противный металлический привкус, но я всё-таки осторожно направилась к выходу.

В коридоре оказалось прохладно и пусто – именно то, что было нужно для меня теперешней. Оставалось сделать невозможное: вспомнить, за какой из многочисленных дверей, в какой аудитории остались мои вещи.

Руководствуясь подсказками памяти, я приоткрыла тёмную дверь и заглянула внутрь. Высокий седовласый мужчина, стоявший около стола перед аудиторией, повернулся ко мне, обрывая на полуслове свою лекцию.

– А, Анжела! Как ты себя чувствуешь? – заботливо осведомился он, и десятки пар глаз мгновенно уставились на меня с неподдельным интересом. Судя по всему, большинство из них были невольными очевидцами моего недавнего полёта.

– Спасибо, профессор, лучше. – Его имя напрочь вылетело у меня из головы. – Я... Я только хотела забрать свою сумку. – Я нерешительно шагнула в аудиторию, снедаемая непреодолимым желанием: провалиться.

– Ах, сумку, – на секунду задумался тот. – А её здесь нет. Твою сумку отнесли в кабинет администратора. – Мужчина развёл руками, и я неуклюже попятилась назад.

– Ясно. Спасибо.

Но, закрывая дверь, я нечаянно зацепилась рукавом за её ручку и «застряла» в проёме, пытаясь побыстрее освободиться. Но получалось у меня как-то не очень. Аудитория сдавленно захихикала над моей неловкостью, но громкий окрик профессора одёрнул её.

– Извините, – пискнула я и захлопнула проклятую дверешку. Щёки пылали почти до боли, руки тряслись. Хотелось куда-нибудь спрятаться, забиться далеко-далеко, чтобы никого не видеть.

Наконец, переведя дух, я потопала к выходу из колледжа, спеша глотнуть свежего воздуха, а по дороге наткнулась взглядом на нужную табличку и стащила потихоньку свою сумку из кабинета администрации, пока там никого не было.

Во дворе колледжа было светло и тихо: студенты сидели на лекциях и старательно познавали науки. Внимательно глядя себе под ноги – почему-то это показалось мне очень важным, – я спустилась по ступенькам вниз. Солнце пока пряталось за крышей здания, и двор заливала тень и прохлада. Оглядевшись по сторонам, я обратила внимание на высоченные глухие стены ограды, вдоль которых по периметру для смягчения ощущения «тюряги» на одинаковом расстоянии были посажены аккуратные невысокие деревца. Слева на каменной дорожке, ведущей к огромным выездным воротам, кто-то поставил стоймя рулон проволочной сетки высотой в полтора моих роста, – скорее всего, собираются подремонттировать ограду футбольного поля позади колледжа,

«догадалась» я.

Вздохнув, я закинула сумку на плечо и направилась к каменной скамейке. Предстояло подумать, где переждать суматоху с больницей и как вообще избежать её посещения. Но, проходя мимо сетки, я, не заметив, зацепила её сумкой и от неожиданного рывка резко обернулась. А зря. В голове моей сразу же зашумело не меньше десятка морей, перед глазами потемнело, и поплыли радужные круги. Потеряв равновесие, я взвизгнула и полетела на землю, дополнительно толкнув и увлекая за собой и так покачнувшийся рулон. Инстинктивно я схватилась пальцами за сетку, край которой тут же развернулся и благополучно накрыл меня сверху.

– Ну, что за невезение! – простонала я, пытаюсь выкарабкаться из образовавшейся клетки. – Что ж на меня сегодня злоключения как из рога изобилия сыплются... – И вдруг осознала, что это вовсе не сегодня, а всегда, изо дня в день, я была шутком для всего колледжа, центром насмешек и прерзрительных шуток.

Пыхтя и чертыхаясь, я пыталась столкнуть с себя дырявое гибкое полотно, когда краем глаза заметила не очень далеко мужскую фигуру в белой футболке и джинсах. Удивившись, я поймала себя на мысли, что, видимо, падение пагубно сказалось не только на моей памяти, но и на внимании, раз я не заметила, откуда взялся здесь этот случайный свидетель.

Тем временем, «фигура» поднялась с колен на зелёной лужайке и теперь смотрела в мою сторону, заставляя меня бо-

роться с желанием провалиться сквозь землю или – что ещё предпочтительнее – умереть на месте, не поднимаясь.

Громкий смех вырвал меня из оцепенения.

– Что, совсем ослепла? Не видишь, куда прёшь? Очки купи!

– Отвали, – зло бросила я, глядя снизу вверх на высоко-го, смуглого, черноволосого парня моих лет, который руки в боки стоял по ту сторону ячеистого рулона и сушил крепкие зубы на тёплом ветерке. С каким удовольствием я бы проредила ему эту белозубую улыбку, будь я тоже парнем! – Чем ржать, лучше помог бы, – пробормотала я, чуть не плача от обиды и бессилия.

– Ещё чего! – хохотнул тот. – Мне и так неплохо. В отличие от некоторых.

– Да пошёл ты! – огрызнулась я.

– Чего-о! – парень мгновенно вспыхнул от злобы и попытался пнуть меня носком ботинка, но, промахнувшись, сам запутался в сетке и чуть было не упал. Выругавшись, он развернулся и пошёл к колледжу.

Я всё-таки заплакала, тихо-тихо, почти беззвучно, потом перевернулась на живот и, размазывая злые слёзы, попыталась выползти на свободу.

– Давай помогу, – вдруг раздалось совсем рядом, и сетка поднялась вверх.

– Обойдусь, – огрызнулась я, но всё же выбралась наружу и встала на ноги. Отряхиваясь, я украдкой взглянула на сво-

его спасителя.

У него были очень добрые глаза. Добрые и чуть лукавые, с весёлой искоркой в глубине. Средне остриженные тёмно-русые волосы обрамляли открытое улыбающееся лицо, и беззаботный ветер причёсывал их на свой бесшабашный вкус. Белая футболка подчёркивала широкие крепкие плечи.

Он подал мне сумку и спросил:

– Ты в порядке? – Я не ответила, всё ещё пытаюсь отчистить одежду. – Давай-ка я тебя провожу.

– Куда?

– Куда тебе надо?

– В космос, чтоб никого рядом не было. И ничего.

– Ну, космос не обещаю, но людей там ближайšie полчаса точно не будет, – усмехнулся мой спаситель. – Цепляйся. А то ты на ногах не очень крепко держишься.

Я опять посмотрела ему в лицо, но не нашла там ни капли издёвки. Помедлив немного, я всё же ухватила за его локоть, и он повёл меня за здание колледжа, туда, где, насколько я помнила, находился стадион нашего колледжа.

– Я – Мэтт. Мэтт Гэррис, – представился он спустя секунду.

– Анжела, – нехотя ответила я.

– А дальше?

– Просто Анжела, – я вдруг растерялась, сообразив, что дальше, по-видимому, элементарно не помню.

– Что же с тобой случилось, горемыка? – Он спрашивал

совершенно искренне, я чувствовала.

– Я не знаю. Говорят, потеряла сознание на лекции.

– Может, тебе лучше в больницу? – сразу же остановился

Мэтт, но я яростно запротестовала:

– Нет! От них и хочу спрятаться.

– Ну, как знаешь...

Минут сорок мы просидели в комментаторской над спортивным полем – судя по всему, мой колледж относится ко «вполне благополучным». Он рассказывал мне забавные истории о себе и о своих знакомых, и моё взвинченное сознание потихоньку успокаивалось. Я узнала, что Мэтт в этом году заканчивает колледж, что в свободное от учёбы время он помогает всем понемногу – садовнику, уборщику, смотрителю, – тем самым подзарабатывая деньги на новую ударную установку.

– У нас своя группа – «Иллюзиум» называется. И я в ней играю на ударных. – Мэтт залихватски изобразил барабанную руладу с последним финальным «б-бам-мс». Я восхищённо захлопала в ладоши и засмеялась. – Всю жизнь мечтал играть в рок-группе, – доверительно наклонился он ко мне, а потом оглянулся по сторонам, словно ища что-то и одновременно продолжая: – У меня даже куртка есть с гравировкой барабанных установок на спине – друзья подарили два года назад на совершеннолетие. Больше нигде не найдёшь похожей. Такой вот нетривиальный подарок... Вот чёрт! – Мэтт вдруг замер, а потом с досадой хлопнул себя ладонью

по лбу. – Представляешь, я похоже забыл её там, на ступенях, когда осматривал поливалку перед колледжем – там, похоже, вчера опять форсунка забилась... Кстати, у нас сегодня репетиция после занятий – мы будем играть на выпускном балу. Приходи, послушаешь.

– Ты меня приглашаешь? – Я изумилась чуть ли не до икоты. Я чувствовала себя бездомным замёрзшим котёнком, которого сердобольный прохожий вдруг решил погладить.

– А что в этом такого?

– Ну, я... я не знаю... Я подумаю.

– Нет, так не пойдёт. Просто приходи, а? Заодно оценишь нашу новую песню. Канадец вообще классную музыку пишет, но эта – особенная.

– Канадец? – непонимающе переспросила я.

– Скотт Дюваллон, – пояснил он. – Несколько лет назад переехал сюда с родителями из Монреаля. Когда с кем-нибудь здороваются, до сих пор поднимает руку и говорит: «Привет из Канады!» Так к нему и прилипло – Канадец... Ну, что? Придёшь?

– Куда? – робко кивнув, спросила я.

– В актовый зал. Хотя... – Мэтт чуть прищурился, а потом взял меня за руку: – Идём.

– Теперь-то куда? – удивилась я.

– Я тебе не доверяю. Боюсь, что ты сбежишь, – зловеще прошептал он.

Мы вышли из коморки и спустились вниз.

– Привет, Мэтт! – окликнул его кто-то с поля.

Я посмотрела на кричавшего и с содроганием узнала того самого красавчика, который совсем недавно смеялся надо мной во дворе.

– Не обращая внимания, – вскользь оглянувшись, сказал Мэтт. – Это Дерек. Он вечно лезет, куда его не просят.

– Угу. И никогда не идёт туда, куда посылают, – буркнула я.

Мэтт удивлённо уставился на меня и вдруг расхохотался: – Вот это-то в тебе и подкупает – ты никогда не сдаёшься.

Смутившись, я неловко улыбнулась, неожиданно для себя со всей ясностью осознав, что теперь у меня, кажется, появился друг. Друг. Человек, ради которого можно свернуть горы, который единственный не смотрит на меня, как на грязь.

Тихое пиликанье перебило мои мысли, заставив вернуться к действительности. Мэтт, взглянув на экран маленького допотопного сотового, внезапно стал очень серьёзным и, помедлив секунду, тихо произнёс:

– Опять выкрутили лампочки в подвале. Похоже, кому-то снова тёмную устраивали. – И вдруг он зло тряхнул головой. – Блин, достали! За последнюю неделю уже третий раз! Как специально подгадывают, пока наш зритель – мистер Брекон – со своим вывихом носится. – Мэтт взъерошил ладонью волосы и обернулся: – Слушай, ты только не уходи никуда. Дождись меня, хорошо? Я быстро: сбегаю, помогу ему

с этими несчастными лампочками и вернусь. Заодно куртку прихвачу. – Он улыбнулся мне и, глядя прямо в глаза, чётко повторил: – Никуда не уходи! Обещаешь?

Я кивнула, и мой друг помчался в сторону главного двора. Я проводила его взглядом, поднялась почти на самый верх трибун и стала ждать.

Успев посмотреть тренировку группы поддержки и один урок физкультуры, я поняла, что сижу здесь уже часа два и потихоньку начинаю замерзать. Солнце давно спряталось за пеленой облаков, и несильный, но всё же прохладный ветер, разгуливая среди скамей болельщиков, заставил меня плотнее запахнуть куртку. Неожиданно на нос мне упала дождевая капля, и я, подняв глаза, увидела прямо у себя над головой тяжёлые грозовые тучи, медленно наползающие откуда-то из-за моей спины. И на фоне их переваливающегося по небу тёмно-серого брюха чёрным прямоугольником выделялась коробочка камеры видеонаблюдения. Оглядев весь стадион, я вдруг ясно вспомнила, что эти устройства слежения за порядком понатыканы почти по всему колледжу и даже здесь, на спортивном поле, по периметру стоят ещё три электронных всевидящих ока. Но одно из них – как раз то, которое должно было бы транслировать на пульт охраны меня «коченеющую», – уже неделю как не работает.

– Как удачно, – пробормотала я, почему-то радуясь, что попала в единственную слепую зону. Возможно даже во всём колледже. Но не успела я получить полную порцию удоволь-

ствия от своего открытия, как кто-то на небесах решил всё-таки набулькать дёгтя в мою вазочку с мёдом и в последующие десять секунд превратил меня в несчастную полевую мышь, промокшую до последней шерстинки под внезапно хлынувшим с небес ливнем. Негромко возмущившись такой наглости, вжав голову в плечи и пытаясь прикрыть её своей сумкой, я быстро, насколько позволял нескончаемый дождевой поток, побежала обратно в комментаторскую прятаться от разбушевавшейся стихии.

На самом деле назвать это помещение комментаторской кабиной не поворачивался язык. Скорее уж будкой. Крошечная, два на два метра – судя по всему, уж на что хватило денег, но всё же! – она вмещала в себя только стол с электроникой и одно кресло, в котором я уже сидела сегодня. И теперь только подивилась: как же здесь умудрился вместе со мной поместиться ещё один человек. Как бы то ни было, сняв с плеч мокрую ветровку и повесив её на спинку, я снова устроилась на единственном сидячем месте и уставилась в окно обозрения.

Дождь лил, как из ведра, превращая картину за стеклом в нечто размыто-серое со светло-зелёным отливом внизу, там, где должно было бы находиться собственно футбольное поле. В какой-то момент я поняла, что не прочь бы перекусить, но после обследования своей сумки только удручённо вздохнула и загрустила окончательно. Шум дождя действовал успокаивающе, даже усыпляюще. Он то слабел, то при-

пускал с новой силой, иногда погромыхая где-то вдалеке глухими раскатами грома. Незаметно для меня глаза мои закрылись, и я уснула.

Мне ничего не снилось. Даже казалось, что я и не сплю вовсе, а просто сижу и слушаю дождь. Поэтому, когда разлепив, наконец, веки, я поняла, что на землю практически опустился вечер, то подскочила, как ужаленная. Выбежав из комментаторской и натянув на зябнувшие плечи подсохшую курточку, я оглядела стадион, но никого на нём уже не увидела. «А если он приходил, но не нашёл меня?» – холодея от осознания непоправимого, подумала я и тут же одёрнула себя вслух.

– Стоп! Ничего страшного не произошло. Не нашёл он – найду я... – Медленно спускаясь по трибунам, я начала вспоминать сегодняшний день и своё знакомство с Мэттом. – Так. Ну, в подвале его искать, скорее всего, уже глупо. За это время не то что лампочки, а всю проводку поменять можно. Значит – актовый зал и репетиция.

Приняв решение, я ускорила шаг, но на выходе с футбольного поля неожиданно врезалась в широкую грудь, выросшую передо мной, словно из-под земли. Подняв голову, я испугано распахнула глаза.

– Что, совсем ослепла? Не видишь, куда прёшь? Очки купи! – Дерек схватил меня за плечи и резко отстранил от себя. Но при этих его словах я от удивления мгновенно забыла, что мне вроде как страшно, и лишь растерянно открыла рот.

Появилось неуловимое ощущение дежа вю, как будто мы с ним играем в каком-то спектакле, причём уже не первый раз, а я как на грех забыла свою роль.

И всё же придя в себя через несколько секунд, я с силой вывернулась из его рук и, отступив на пару шагов, огрызнулась:

– А ты что, других слов не знаешь?

Почему-то я твёрдо знала, что случится дальше, поэтому его раскатисто-злое «чего-о?!» услышала уже на бегу, не дожидаясь тычка его далеко не маленького кулака. И в том, что он за мной погонится, а главное, скорее всего рано или поздно догонит, тоже не сомневалась.

Выскочив из-за угла колледжа, я сломя голову помчалась по зелёному газону к лестнице парадного входа. В голове билось только одно: мне бы только до актового зала добраться. Но насколько я уже поняла, у меня всё просто не бывает – на полной скорости зацепившись ногой за торчащую из земли поливалку (возможно, ту самую, с которой утром возил-ся Мэтт), я растянулась на траве. Правда, сразу же подхвати-лась и побежала дальше, но Дереку хватило и этого, чтобы догнать меня, хотя и около самых ступеней. Я неожиданно почувствовала сильный рывок, который отшвырнул меня в сторону, как котёнка. Я взвизгнула, и страшный удар о ка-менную дорожку взорвал в моём теле фейерверк боли, но всё же инстинктивно оно попыталось отползти подальше.

– Я что, за тобой гоняться должен, тварь?! – схватив за во-

лосы и выворачивая мою голову к себе, проорал мне в лицо перекошенный от ярости Дерек. Я стиснула зубы, зажмурила глаза и скорчилась на холодной, ещё мокрой от дождя траве, ожидая если не удара, то уж увесистого тычка – точно. Но вместо этого услышала хриплый окрик другого мужчины:

– Эй! Эй!!! Ты чего делаешь?! А ну, оставь её в покое!

Дерек тихо выругался, потом перешагнул через меня, мимоходом пнув каблуком – к счастью, не очень сильно – и быстро пошёл прочь, оставив свою добычу неподвижно лежать на земле.

– Ну-ка, вставай-вставай, милая. – Чья-то крепкая мозолистая ладонь подхватила меня под локоть, помогая подняться. Я с трудом выпрямилась, опираясь на подставленную руку и ощущая боль ещё и в «задетом» Дерекком боку. Будто мало мне досталось при встрече с дорожкой! «Господи, да когда же это кончится?» – простонала я про себя, и услышала обращённый ко мне вопрос: – Ты как? Цела? – Я кивнула, всё ещё пытаюсь отдышаться. – Ты его знаешь? Чего он от тебя хотел-то? – Я помотала головой. – Пойдём-ка ко мне. Хоть в порядок себя приведёшь.

– Не надо, спасибо, – снова обрела я голос. – Со мной всё нормально... – и, не найдя на тот момент иного подходящего предлога, чтобы попасть в здание и спокойно найти своего друга, добавила: – Я лучше до уборной дойду.

Мужчина несколько секунд раздумывал, а я обратила внимание на его правую руку, покоящуюся на перевязи. «Ми-

стер Брекон, смотритель колледжа», – вспомнила я. Наконец, он кивнул, соглашаясь:

– Ладно, иди, осторожнее только.

Всё ещё слегка пошатываясь, я поднялась по ступенькам и открыла массивную створку парадных дверей.

Занятия давно закончились, и в колледже было почти что тихо. Правда, тёплую и в какой-то мере уютную – после барабанных со всех сторон в стены комментаторской дождевых капель – тишину нарушала вовсе не далёкая музыка, как я ожидала, а глухие удары, словно где-то упоённо стучали кувалдой. На ходу, насколько это было возможно, приведя себя в порядок, я направилась на второй этаж к актовому залу, но к моему неизмеримому удивлению звуки доносились вовсе не оттуда. Когда я всё же приблизилась к означенной двери, она оказалась не просто закрыта: внутри царило полное безмолвие. Не в силах поверить собственным глазам, я подёрнула за дверную ручку и, окончательно упав духом, прислонилась спиной к стене.

– Постой-ка, а если... – И, цепляясь за явно бредовую идею, бегом спустилась вниз и пошла туда, где всё ещё неритмично, но упорно работал неведомый кузнец. Чем ближе я подходила к источнику, тем явственнее становились слышны ещё и напряжённые возгласы. К тому моменту, когда я приоткрыла дверь спортзала и заглянула внутрь, мои надежды и иллюзии уже раскаялись в своей наивной глупости и уступили место обычному здоровому любопытству. К

несчастьем это самое «любопытство» случайно забыло, что, видимо, является Дугласом Факлером своего поколения. Поэтому, когда в ладони от моей головы, неосторожно просунутой в дверной проём, вдруг раздалось звонкое «БАМ!», и тяжёлый баскетбольный мяч отлетел обратно к центру зала, я глотнула такую дозу адреналина, что, кажется, подскочила метра на два и мгновенно захлопнула злосчастную дверь.

– Ненавижу двери, – прижимая руки к бешено бьющемуся сердцу, выкрикнула я и хотела уже уйти, чтобы не слышать многоголосый гогот по ту сторону, когда неожиданно до меня донеслись чьи-то слова:

– Ну, Канадец! Ну, ты даёшь!

Я замерла, как вкопанная, а потом рванулась и влетела в зал так стремительно, что и игроки, и все немногочисленные зрители, кажется, слегка перепугались и остолбенели на несколько секунд. Я быстро обвела взглядом стоявших на поле парней и наугад шагнула к тому, который держал в руках мяч – высокому, светловолосому, похожему на викинга.

– Канадец, – только и произнесла я от волнения, а потом вдруг, повинувшись какому-то внутреннему голосу, подняла руку вверх и сказала, глядя ему прямо в глаза: – Привет из Канады.

Он оторопело замер с так же поднятой рукой и открытым ртом, не успев произнести первым своё «личное» приветствие. Потом, прищурившись и подойдя поближе, взгляделся в моё лицо и спросил:

– Мы знакомы?

– Нет... Нет, но... – Мне никак не удавалось связать во-едино свои мысли. – А как же ваша репетиция?

– Какая репетиция? – Видя, как он удивлённо сморгнул, я раздражённо подумала, что, наверное, ошиблась, и где-то в колледже есть ещё один парень с таким прозвищем. Но, в то же время, по его лицу я поняла, что и слова, и жест, показанный мне Мэттом, принадлежат всё-таки именно этому голубоглазому великану.

– Ты – Скотт Дюваллон? Из Монреаля? – Теперь я пристально смотрела на него.

– Откуда ты знаешь? – вопросом на вопрос ответил тот.

– Я... Мне один наш общий друг рассказал.

Услышав такое, парень помрачнел и на секунду оглянулся на неспешно игравших у него за спиной молодых ребят, время от времени нетерпеливо поглядывавших в нашу сторону:

– Ну, и которая из этих сорок трещит обо мне на каждом углу?

– Что? – не сразу поняла я, тоже посмотрев на игровое поле. – Да нет же! Я говорю о Мэтте Гэррисе! Вы вместе играете в «Иллюзиуме». Он сказал, что ты пишешь музыку и что у вас сегодня репетиция... в актовом зале... – Его лицо выражало все краски жалости, и от этого стало так противно, что я даже загнулась, а затем и вовсе замолчала. Было похоже, что он сейчас протянет руку и погладит меня по голове, как деревенскую дурочку. – Это что, не правда? – Он участ-

ливо поджал губы и медленно покачал головой. – И никакого Мэтта Гэрриса ты не знаешь?.. – упавшим голосом почти прошептала я. И снова получила тот же самый жест в ответ.

У меня было такое ощущение, что меня предали. Жестоко пошутили, просто так, от нечего делать. Маленькому уличному котёнку сначала показали мисочку молока, а потом пнули ногой с такой силой, что, казалось, лопнуло само сердце. Словно издалека я слышала слова Скотта:

– ...Я никогда не играл в группе. У меня и слуха-то нет, не то что музыку сочинять. И насколько мне известно, у нас в колледже вообще нет никакой группы...

Мой мозг упорно не хотел верить в это и искал любые объяснения, другие варианты. В какой-то момент я услышала собственный голос:

– Но, может быть, есть другой Канадец?

– Послушай. – Я ощутила на своих плечах его ладони. – Если бы в нашем колледже существовал ещё один Канадец, я бы первый познакомился с ним, из чистого любопытства... Мне жаль, но тебя, судя по всему, просто-напросто кинули...

Я посмотрела ему в глаза, такие же внимательные и добрые, как и у Мэтта. Как у моего «друга».

Зло скинув со своих плеч его руки, я выбежала в коридор и быстро пошла прочь, даже не закрыв за собой дверь и не чувствуя, как на щеках появились две поблёскивающие дорожки.

Около выхода меня встретил мистер Брекон. Он озабо-

ченно поглядывал в разные концы коридора, явно кого-то ожидая. Этим кем-то, по-видимому, была я, потому что, увидев меня, быстро шагающую ему на встречу, мужчина слегка расслабился и даже улыбнулся:

– Ну, что? Тебе лучше? – А потом я подошла поближе, и он, наконец, разглядел меня. – О, господи! Ну, что опять с тобой стряслось, Анжела?

При этих словах я чуть ли не споткнулась на ровном месте.

– Вы меня знаете?

Теперь он вытаращил на меня глаза от удивления:

– Ты чего, милая? Да тебя почти весь колледж знает! – Наверное, в тот момент я была похожа на лемура. – Гордость наших профессоров! Ты же – первая умница в колледже!

– Гордость? – задохнулась я от возмущения. – А как же мои ровесники?! Да меня все ненавидят! У меня, похоже, и друзей-то совсем нет! Я – посмешище для всех и каждого!

– Да... гм... есть немного, – чуть смутился мистер Бреккон. – Но с другой стороны, что с того, что ты немного неловкая?...

– Немного... – скептически хмыкнула я.

– Но, может быть, именно ты придумаешь вакцину от какой-нибудь смертельно опасной болезни или изобретёшь машину времени. И все, кто знает тебя сейчас, будут говорить своим детям: «Я учился вместе с ней в колледже!»

– Ага, и добавлять: «Она была такой растяпой!»

– Да, но потом вздыхать и тихо сетовать на судьбу: «Кто ж знал, что она станет такой: и умницей, и красавицей, и настоящей леди».

Мне стало не по себе от таких слов пожилого мужчины. Мы вышли из дверей колледжа и теперь в наступивших сумерках медленно спускались по ступеням.

– Зачем Вы мне всё это говорите? Не надо меня жалеть, слышите? Один уже пожалел сегодня. Мастерски пожалел, не каждый маститый актёр так сыграет. – Я чувствовала, что меня заносит, но остановиться не могла – слишком тошно было на душе. И ещё было очень больно. Я отвернулась и уткнулась взглядом во что-то тёмное, лежащее на траве возле лестницы.

– Да кто ж тебя сегодня так допёк, что ты сама на себя не похожа? – Мистер Бреккон недоумённо хлопнул себя здоровой рукой по бедру. – Ты же всегда была выше всех этих недоумков.

– Уж постарались, – проворчала я, почему-то не сводя глаз с привлекшей моё внимание вещи. – Кстати, помощник ваш. Мэтт Гэррис. Последний год здесь учится.

Я не сразу заметила повисшее недолгое молчание, а затем подумала: «Сейчас возмущаться будет. Дескать, не может быть! Мэтт такой хороший юноша». Но услышанное всё же заставило меня обернуться.

– Кто? Какой ещё помощник?

– Мэтт Гэррис, – неуверенно повторила я.

– Анжела, – терпеливо, но чуть растерянно сказал мужчина, – я пока не настолько стар, чтобы просить о помощи учеников, и всю свою работу делаю сам. И никакого Мэтта Гэрриса я не знаю.

– Но... – Я была полностью сбита с толку. – Он же сегодня на моих глазах осматривал поливалку вон там, на газоне. Сказал ещё, что там форсунка со вчерашнего дня забилась... Да Вы включите воду! Она до сих пор не работает... наверное...

– Анжела, систему полива газона я сегодня утром осматривал сам. Там всё в порядке.

– А как же лампочки в подвале, – чуть не плача, невпопад спросила я, не понимая, зачем кому-то понадобилось придумывать такую чудовищную и одновременно правдоподобную ложь и, уж тем более, зачем придумывать её для меня.

– Лампочки?

– Да. Он и ушёл-то, чтобы помочь Вам с вашей рукой поставить эти проклятые лампочки. Вы же сами его попросили, прислали сообщение на сотовый.

– Послушай, девочка. Я не знаю, кто тебе всё это наговорил и чего он хотел этим добиться, но только это полнейшая ерунда. – Мистер Брекон немного помолчал, словно что-то вспоминая, и добавил: – И знаешь, у нас в колледже среди выпускников я такого имени не помню, хотя знаю почти всех.

Ничего уже не понимая, я закрыла лицо руками. Всё про-

исходящее казалось мне сейчас дурным сном. Был человек. Настоящий, живой, из плоти и крови. Рассказывал мне то, что есть на самом деле: о зрителе колледжа, о Канадце. Держал меня за руку. А теперь меня пытаются уверить, что ЕГО не было. Вообще не было. Никогда.

– Ну-ну, Анжела, иди-ка ты домой, отдохни, выспись, – Мужчина участливо похлопал меня по спине. – Говорят, ты сегодня хорошенько головой приложились. Вот дома посидишь, придёшь в себя, и всё опять встанет на свои места. Давай я тебя хоть до ворот провожу.

– Нет, спасибо, я сама, – равнодушно откликнулась я.

– Как знаешь.

Мужчина тяжело вздохнул и ушёл. А я осталась стоять на последней ступеньке, чувствуя себя самой несчастной на свете. В голове было гулко, словно из неё разом стёрлись все мысли и чувства.

– Но ведь этого не может быть... – прошептала я сама себе, садясь на светло-серый камень лестницы. – Просто не может...

В какой-то момент мимо меня прошли заигравшиеся «баскетболисты». Они бурно что-то обсуждали. Кажется, кто-то из них окликнул меня, но я не обратила на это внимания. Просто сидела и смотрела перед собой. Постепенно я начала замерзать от вечерней свежести. По спине побежали мурашки, я передёрнула плечами, и моя сумка съехала на землю. Я опустила руку, чтобы поправить её, и мой взгляд

снова натолкнулся на нечто, лежащее на траве. Теперь, находясь немного ближе, я могла разглядеть, что это кем-то забытая куртка. Я встала и подняла с земли чёрную джинсовку, намереваясь отнести свою находку мистеру Брекону, но мои пальцы наткнулись на более плотную текстуру нанесённого рисунка. Я развернула куртку спиной к себе, чтобы в свете горящих над входом в колледж ламп разглядеть гравировку получше, и замерла.

«Тарелки», том-томы, «бочка» – искусно выполненная миниатюрная ударная установка с зависшими над ней барабанными палочками и необычной надписью «Иллюзиум» понизу – всё это красовалось на тёмной ткани серым рисунком, словно перенесённым с чёрно-белой фотографии. На секунду мне даже померещилось, что я уже где-то видела это изображение – таким реальным оно казалось. «Нетривиальный подарок», стильный и оригинальный одновременно. Необычная вещь для необычного человека. Только теперь получается, для человека, которого не существует?

– Анжела? – негромко позвал меня голос мистера Брекона.

Я оглянулась и встретила его настороженный внимательный взгляд. Рядом с пожилым мужчиной стояла смутно знакомая мне женщина. Лицо её обрамляли светлые кудри, а глаза, в отличие от нашей прошлой встречи, были острыми и серьёзными. Её волосы вдруг начали тяжелеть и, подрагивая, обвисать влажными волнами, и я отстранённо подума-

ла, что, видимо, снова начался дождь. Только мне было плевать на это. Я его не чувствовала. В тот момент я вообще вряд ли что-либо смогла бы почувствовать, кроме непомерного удивления, обиды и раздражения, стремительно переходящего в бешенство.

– Чьё это? – Я задала этот вопрос негромко, вовсе не ожидая ответа, а потом заорала, выпуская на волю всё, что кипело внутри: – Что здесь происходит?!

– Анжела, – женщина, которая не далее, как сегодня утром сидела у моей лежанки в светлой тишине медкомнаты, спокойно протянула ко мне руку, – идём с нами. Мы всё тебе объясним.

– К чёрту объяснения!

– Анжела...

– Вы сказали, что его нет, мистер Брекон! Что этого человека не существует! Я хочу знать: зачем?! Зачем Вы пытаетесь уверить меня в том, что у меня поехала крыша?!

И снова со мной заговорила женщина:

– Анжела, его на самом деле не существует. Тебя обманули... Идём с нами.

Я снова взглянула на зажатую в моих ладонях куртку и вспомнила Мэтта, его глаза, добрые, искренние. Вспомнила то, что он рассказывал мне. Пусть и не все, но его слова были правдой и подтверждались действительностью.

В этот момент небеса перестали сеять крупными холодными каплями и второй раз за этот день разверзли свои хляби.

Вода хлынула на землю нескончаемым потоком, становясь «очень неприятно осязаемой густой пеленой». И внезапно за его серой завесой почудилось движение. Кто-то, пригнувшись, спешил за угол колледжа, остановившись лишь на секунду, но мне показалось...

– Мэтт... – едва слышно выдохнула я и тут же кинулась вдогонку, услышав позади лишь раздосадованный оклик. Местами оскальзываясь на набухшей от воды земле, дважды чуть было не упав в невидимые в темноте лужи, я обогнула колледж и выскочила на задний двор. Но как обычно, не разглядев за пеленой дождя возникшей преграды и не успев во время затормозить, я с такой силой налетела на нагнувшегося над створками подвального люка человека, что сбила его с ног. Не удержавшись, он грохнулся в грязь. А потом я вдруг услышала чуть приглушённый дождём бешеный рёв Дерекы:

– Что, совсем ослепла? Не видишь, куда прёшь? Очки купи!

Я онемела на секунду, краем сознания отмечая, что, судя по всему, действительно схожу с ума. По-другому объяснить слышанную трижды с одной и той же интонацией одну и ту же фразу от одного и того же человека за один день я не смогла. Ну, не робот же он запрограммированный, в самом-то деле! Однако мои взвинченные до предела нервы отреагировали на случившееся по своему – я просто пнула его ногой, когда он поднялся и пошёл на меня. И неожиданно попала. Куда и хотела.

Мельком подивившись сама себе, своей меткости и жёсткости, я оглянулась по сторонам, всё же надеясь увидеть того, за кем бежала, хотя разглядеть что-либо за сплошной завесой дождя было очень непросто. Через пару секунд до меня, наконец, дошло, что тот, за кем я так спешила, сейчас у моих ног хватается ртом воздух пополам со струями воды. Я чуть было не взвыла от досады.

– Проклятье! – В сердцах я «разметала» ногой ближайшую ко мне лужу и, едва не плача, закрыла лицо руками, а когда, стерев с него дождевую воду, снова открыла глаза, то застыла на месте. В двух шагах от Дерека стоял Мэтт. Причём, создавалось такое ощущение, что он просто соткался из струй воды.

– Вот это-то в тебе и подкупает – ты никогда не сдаёшься, – улыбаясь, сказал он, а в моей голове словно что-то щёлкнуло. Но от захлестнувшей меня радости я не обратила на это внимания.

– Мэтт! Господи, где ты был! Я уже начала сомневаться, что...

Я ошарашено запнулась, а затем испуганно отдернула пальцы, когда они, вместо того, чтобы сомкнуться на его плечах, прошли насквозь и ухватились за воздух. А он по-прежнему стоял передо мной, не двигаясь с места. Помедлив, я протянула руку и «дотронулась» до его щеки с таким же результатом: его лицо едва заметно мигнуло, пропуская сквозь себя мою ладонь.

– Что за... – раздался за моей спиной чуть осипший от увиденного голос Дерекса. Мэтт посмотрел мне через плечо на стоящего за ним парня, а потом вдруг исчез из моего поля зрения, и я услышала сначала потешное в другой ситуации «Бу!», а потом приглушённое и быстро удаляющееся завывание насмерть перепуганного человека.

Когда я обернулась, «мой друг» спокойно посмотрел мне в глаза и чуть улыбнулся. Мне стало страшно, и я попятилась, а потом резко развернулась и тоже хотела бежать без оглядки, но Мэтт снова оказался на моём пути и успокаивающим жестом выставил перед собой открытые ладони.

– Анжела, не бойся, прошу тебя.

Я в ужасе шарахнулась от него. В эту минуту в голову лезли самые нелепые мысли.

– Что тебе нужно от меня? – дрожа всем телом от холода и обуявшей меня жути, я готова была сейчас услышать даже заезженное в триллерах до дыр «твоя жизнь».

– Анжела, успокойся. Я не причиню тебе вреда. – Он сделал один махонький шагок в мою сторону, но я отпрыгнула примерно на метр и, продолжая медленно увеличивать расстояние между нами, взвизгнула:

– Не приближайся! Что тебе нужно?!

Мэтт замер на месте, потом обречённо поднял лицо к попрежнему рыдающему небу и на секунду прикрыл глаза.

– Мне нужна твоя помощь, – наконец, выпалил он, понимая, что, видимо, успокоить меня ему не удастся.

– Помощь? – Удивлённая безобидностью ответа, я даже перестала пятиться.

– Да.

– Ты – призрак? – поразмыслив пару мгновений, спросила я.

– Кто?!

– Ну... Призрак. Неприкаянный дух. Неотмщённая душа. Они тебя убили?

Следующие секунд тридцать он смеялся как сумасшедший, буквально давился хохотом, упорно пытаюсь заставить себя если не успокоиться, то хотя бы делать это потише. А я с пылающими ушами стояла перед ним, не зная, куда себя деть, и стараясь подавить жгучее желание стукнуть его чем-нибудь тяжёлым.

– Хватит ржать! – наконец не выдержала я.

– Да. Прости. – Мэтт примирительно поднял руку, но опять не удержался и прыснул в кулак. – Призрак... Офигеть можно...

– А чего ты от меня ожидал? – окончательно обиделась я. – За кого, ты думал, я приму тебя, когда ты умеешь... такое?.. – и моя рука указала на всего его, а затем наугад ткнула в окружающую нас реальность.

Мэтт на несколько секунд замер, будто прислушиваясь к чему-то, потом внезапно посерьёзnel:

– Анжела, мне действительно очень нужна твоя помощь. Сейчас нам нужно спрятаться, а потом я всё тебе объясню.

– Это я сегодня уже слышала, – проворчала я, но направилась вслед за ним. – Куда хоть идём-то? – спросила я его через несколько шагов.

– Никуда, – коротко ответил Мэтт, делая мне знак остановиться.

– Ты что, издеваешься? – чертыхнувшись, возмутилась я, но что-то в его голосе заставило меня подчиниться.

– Помолчи... Мы должны исчезнуть с камер видеонаблюдения. Сейчас у нас будет примерно минута и за это время нам необходимо умудриться попасть в подвал. Не успеем – нам крышка.

Я проследила за кивком его головы и округлила глаза, уставившись на тяжёлые металлические створки люка:

– Мэтт, ты уверен, что у нас получится?

– Не у нас. У тебя.

– Что?!

– Я тебе в этом деле не помощник. – И он виновато улыбнулся, для убедительности проведя сквозь меня рукой. Мне поплохело от столь непередаваемого ощущения. – Идём.

– Подожди, – возвращаясь ко входу в подвал, я вдруг поймала в своей голове одну на мой взгляд гениальную идею: – Но если нам надо спрятаться от камер, то следует идти на стадион. Там же комментаторская кабина в слепой зоне...

– Во-первых, – перебил меня Мэтт, останавливаясь, – туда ещё нужно дойти. Во-вторых, если и дойдём, они не дураки и в курсе своих поломок. Потому будут искать нас там в

первую очередь. В-третьих, – его лицо сделалось почти умоляющим, – Анжела, пожалуйста, время поджигает.

– Но... – Я протянула руку и хотела спросить его, как же мы откроем навесной замок. И, словно прочитав мои мысли, он ответил:

– Уже открыто. Дерек постарался. – И теряя терпение, прикрикнул: – Шевелись, Энж!

Я потянула вверх одну из створок. К моему великому удивлению металлическое полотно оказалось сплошной фикцией – точнее, конструкцией, целиком сделанной не иначе как из алюминия – и я чуть было не потеряла равновесие от неожиданно легко открывшегося люка. Сложно было только не поскользнуться на раскисшей от дождя земле. Внизу царила сплошная темень, и спускаться туда по каменному скосу было страшновато. Вообще-то, это был не основной вход в подвал, а запасной спуск, используемый главным образом для разгрузки каких-нибудь тяжёлых мешков или ящиком, которые ставились на стоящую здесь же тележку и после развозились, куда было надобно.

– Не бойся. Призраков там нет – я проверял, – ехидно сказал мне стоящий рядом Мэтт, когда я на секунду замешкалась над чёрнеющим провалом.

– Ещё слово – и сейчас появятся, – огрызнулась я, осторожно начиная сползать по наклонному полу, придерживая одной рукой дверцу люка, но тут же спохватилась и, приподнявшись, взглянула на своего спутника: – А ты? – Этого пар-

шивца уже не было на месте. Он попросту исчез. – Мэтт?! – испуганно позвала я и чуть было не свалилась в темноту, когда снизу раздался ответ:

– Я здесь.

Каким-то непостижимым чудом поймав равновесие и не плюхнувшись на пятую точку от неожиданности, вцепившись в створку двумя руками, я перевела дух и затем рывкнула в дремлющую подо мной тишину:

– Да сколько ж можно?.. Не смей так больше делать!

– Хорошо, – покладисто согласился Мэтт и добавил: – Только, пожалуйста, Анжела, не грохнись оттуда. Я тебя поймать не смогу...

С горем пополам прикрыв за собой люк, я кое-как на ощупь спустилась и завертела головой. Вдалеке горела лампа.

– Ну, прямо свет в конце тоннеля, – пробормотала я и попыталась определить, где в данный момент находится мой друг. Понятное дело, безрезультатно. – Мэтт, а нельзя здесь сделать чуточку посветлее? Ну, там, свет включить, например, – поинтересовалась я.

– Нет. Но, если хочешь, я могу сделать так, чтобы ты могла меня видеть, – предложил он в ответ. Но представив фосфорицирующего в темноте Мэтта, я тут же вежливо отказалась:

– Спасибо, не стоит. Я уже предвижу, что оно мне совсем не понравится.

– Тогда идём, – я почувствовала его невидимую усмешку,

слегка обиделась и решила, что сейчас самое время хоть в чём-то разобраться.

– Так. Стоп. Ты сказал, что нам нужно спрятаться от видеокамер, так?

– Ну?

– Мы спрятались?

– Пока да.

– Тогда притормози, ковбой, и объясни мне, наконец, во что я всё-таки влипла. – Затянувшееся молчание заставило меня заволноваться. – Мэтт?

– Я не могу объяснить тебе этого сейчас, – тихо ответил он, и я даже растерялась.

– Почему?

– Потому что тогда ты вряд ли пойдёшь со мной дальше. А для меня это очень важно.

– Знаешь что, – придя в себя от такой наглости, твёрдо сказала я, – вот теперь можешь точно на это не рассчитывать. Я понятия не имею, кто ты такой, и во что ввязался, мне тоже не известно. И помогать тебе вслепую за красивые глаза я не собираюсь. Может, ты человека убил или собираешься ограбить кого-то, и тебе сообщник нужен? Я даже не совсем уверена, что ты вообще человек. Так что или ты мне сейчас всё рассказываешь, или ищи себе среди ночи другую наивную идиотку.

Повисла непроницаемая тишина, в которой я слышала только бешенный стук собственного сердца. Когда я уже от-

чаялась услышать ответ, Мэтт вздохнул и еле слышно произнёс:

– За красивые глаза... Кто я такой...

Я коротко ругнулась, потом развернулась и зашагала к свету, попутно наткнувшись на ту самую грузовую тележку.

– Анжела, – неожиданно нагнал меня оклик Мэтта, – хорошо, я расскажу тебе, что происходит. Ты узнаешь ровно столько, чтобы понять суть событий. – Я встала, как вкопанная, и неведомо каким чутьём почувствовала, что он приблизился ко мне. – И причины событий я тебе тоже объясню. Идёт?

Его слова. «Суть событий». «Причины событий». На первый взгляд они показались мне какой-то заумной ахинеей, но почему-то не вызвали во мне всплеска раздражения. Наоборот, они показались мне очень знакомыми. Будто я уже слышала раньше эти выражения и слышала от кого-то очень важного.

Словно почувствовав моё замешательство, Мэтт обошёл меня и встал между мной и далёким пятном света, привлекая внимание и заставляя вернуться к действительности.

– Анжела, – в который раз назвал он моё имя, – мне действительно не справиться одному. Ты – моя единственная надежда. И поверь: я никогда не смогу причинить тебе вред.

Я саркастически фыркнула в черноту его лица:

– Скажи ещё, что ты любишь меня безумно и жить без меня не можешь.

– И это тоже, – судя по голосу, Мэтт улыбнулся во тьме. – Только всё намного сложнее, чем ты думаешь. Поэтому я прошу тебя поклясться, что, что бы ты сейчас не услышала, что бы не подумала, ты не бросишь меня на полпути. – И немного помолчав, серьёзно произнёс: – Клянусь, я никого не убил, не ограбил и делать этого не собираюсь.

– То есть никакого криминала? – уточнила я.

– Да.

– И у меня не будет никаких проблем ни с законом, ни с администрацией колледжа, ни с кем-либо ещё?

– Не будет. – Где-то глубоко на задворках своего сознания осторожность взывала к моему разуму, и я ещё сомневалась. – Ну же, Анжела! Неужели тебе ни капельки не любопытно, во что ты, по твоему выражению, влипла?

– Любопытство сгубило кошку, – проворчала я, но он попал в точку. Мне было любопытно. Очень. Мне было просто жизненно необходимо узнать, что происходит. Я затылком чувствовала, что это как-то меня касается, и получив ответ на этот вопрос, я, наконец, верну себе свою жизнь, которую потеряла сегодня утром и, кстати говоря, до сих пор так и не удосужилась вернуть обратно, то есть вспомнить. Поэтому, помолчав для порядка ещё некоторое время, я всё же сказала:

– И меня сгубит... Идёт! Даю слово, что, что бы сейчас не услышала, я пойду с тобой дальше и постараюсь помочь тебе.

С этими словами я протянула руку, совершенно позабыв,

что Мэтт не сможет пожать её. Но в этот момент сначала едва заметно, потом чуть ярче в темноте замерцала мужская кисть и обняла мои пальцы в неощутимом подтверждении нашего договора. От такого зрелища я придушенно взвизнула и отскочила назад, пряча руки за спиной и заодно тараня стоящую позади тележку. А этот недоумок сполз по стенке и теперь, согнувшись в три погибели, тихо «умирал» от смеха.

– Придурок! – выкрикнула я, вставая, и замахнулась на него кулаком, мечтая садануть побольнее, но потом просто отвернулась, понимая, что всё равно не получится – он же «прозрачный».

– Прости, Энж, не удержался. – Мэтт у меня за спиной по-прежнему подхихикивал, но я чувствовала, что на самом деле он не хотел меня обидеть. – И потом, мне же надо было как-то дать тебе знать, что соглашение заключено.

– Я бы тебе и на слово поверила, – пробормотала я и, вздохнув, добавила: – Идиот... – Усевшись на так кстати и так неосторожно обнаруженную в темноте тележку, я взглянула на него. – Если у нас мало времени, то тебе лучше поторопиться с рассказом.

Мэтт постепенно успокоился окончательно и, медленно приблизившись, сел рядом со мной. Я увидела, как его тёмный абрис на фоне света лампы провёл ладонями себе по волосам, упёр руки в колени и замер.

– Даже не знаю с чего начать, – тихо произнёс он.

– Начни с главного, а детали сами выплывут, – спокойно подсказала я. – Кто ты? – И после недолгого молчания всё же услышала его ответ:

– Я – вирус.

– Кто? – Я подумала, что ослышалась, ан нет. Голос Мэтта снова повторил в темноте:

– Я – вирус... Ну, или что-то вроде того...

«Как же мне всё это надоело», – устало подумала я про себя, потом встала и направилась к жёлтому свету потолочной лампы, на ходу отвечая ему:

– Всё. Хватит. Меня достали твои дурацкие шутки...

Но Мэтт вдруг оказался прямо передо мной, загоразивая дорогу. Он говорил взволнованно и даже чуть обречённо. Наверное, именно эти интонации и заставили меня остановиться.

– Энж, я поклялся всё тебе рассказать. И снова клянусь, что сейчас говорю правду. Просто выслушай меня. Пожалуйста.

– Хорошо. – Помедлив, я вернулась и опять села на тележку. – Ври дальше.

Мэтт вздохнул и продолжил:

– Всё, что ты видишь вокруг – не совсем то, что ты думаешь. Это всё – программа.

– Ну, прямо «Матрица», – не удержавшись, вставила я, саркастически качая головой.

– Нет. «Матрица» здесь не при чём... – Я чувствовала,

что ему тяжело. Что он пытается что-то сказать, объяснить. Поэтому стиснула зубы, набралась терпения и решила, что если в течении ближайших пяти минут не найду в его словах рациональное зерно и не начну понимать весь этот бред – не знаю, что с ним сделаю. Скорее всего, сдам для опытов парапсихологам, как первое «живое», но всё же привидение. – Я – не просто вирус, – продолжал Мэтт. – Я и есть эта программа, точнее её часть... Нет. Не то... Какой сейчас год, Анжела? – вдруг спросил он.

– Две тысячи четырнадцатый, – ответила я, и Мэтт на мгновенье оживился:

– Неверно. Сейчас три тысячи восемьдесят пятый год... – Я стиснула уже кулаки и медленно повернула к нему голову. Он замер, какое-то время всматриваясь в моё лицо, а потом снова спросил:

– Как тебя зовут? Просто ответь: как тебя зовут?

– Анжела, – закрыв глаза, произнесла я.

– Нет. Как твоё полное имя?

Я попыталась напрячь память, но там по-прежнему, как и утром, было пусто. Поэтому я ответила:

– Я не помню. После падения такое иногда бывает.

– Верно, бывает. Но тогда ответь мне хотя бы: какого цвета твои волосы и глаза?

Я открыла рот, но снова на полках моего сознания не нашлось ответа. И это меня немного напугало, потому что о потере памяти, когда не можешь вспомнить себя саму, я ни-

когда раньше не слышала. Вдруг Мэтт взгляделся во что-то, что находилось значительно ближе к источнику света в облюбованном нами подвале, потом быстро поднялся и протянул, было, мне руку, потом опомнился и просто сказал:

– Идём.

– Куда?

– Идём. Я кое-что тебе покажу.

Я сомневалась всего секунду, потом встала и пошла за ним по коридору.

– Ты не помнишь, кто ты, не помнишь, как выглядишь, не помнишь свою семью, верно? – не оборачиваясь, на ходу говорил он мне.

– Семейку вроде бы помню, – поправила я его, и, на мгновение оглянувшись, Мэтт очень странно посмотрел на меня.

– Нет. Не помнишь. – Не дойдя шагов двадцать до жёлтого круга неяркого освещения, он остановился и показал мне в темноту направо. – Поверни, пожалуйста.

Вглядевшись в том направлении, мои глаза различили в неглубокой нише, похожей на когда-то заложённую дверь, зеркало с отколотым краем из женского туалета. В голове всплыл совершенно ненужный факт, что это именно я нечаянно разбила его на прошлой неделе, когда, поскользнувшись, схватилась за ближайшую раковину. Схватилась очень неудачно: раковина, покоившаяся на металлической прикрученной к стене раме, но не закреплённая на ней, подпрыгнула вверх и, зацепив несчастное стекло, вернулась на ме-

сто, качая в своей белой пригоршне два больших блестящих дребезжащих осколка. Почему оное зеркало не выкинули на свалку сразу же, было не моим делом, но то, что сейчас передо мной прислонённое к стене стояло именно оно, не вызывало никаких сомнений.

Слегка развернув зеркальное полотно изнанкой к свету и осторожно, чуть под уклоном прислонив его к углу ниши, я посмотрела на Мэтта. Он сделал шаг назад, чтобы видеть своё отражение, и поманил меня к себе. Повернувшись к поверхности зазеркалья, я встретилась с ним взглядом. Его отражение смотрело на меня и ждало, когда же та, «другая я» встанет рядом с ним, а мне почему-то вдруг стало не по себе. Но я всё-таки заставила себя тоже сделать несколько шагов назад, и у меня потемнело в глазах, когда я увидела, наконец, возникшую рядом с Мэттом девушку. Пришлось привалиться плечом к каменной кладке подвала.

– Ты никогда не любила зеркала, – произнёс Мэтт, и его отражение смотрело на меня с мягкой, но сейчас совсем не лукавой улыбкой. Потому что он знал причину этой нелюбви. – С возвращением, Анжела Александра Гэррис.

После этих слов мир для меня лопнул и, словно сверкающая мозаика, собрался в совершенно другую картину.

Анжела Александра Гэррис. Да, это было моё имя. И Мэтт был прав: он действительно любил меня, так же как и я его. Но всё было намного сложнее. Потому что из зеркала на меня смотрела девушка с тёмно-русскими волосами, собранны-

ми в высокий хвост. И лицо её было бы даже симпатичным, как у Мэтта, если бы не целая россыпь шрамов на левой щеке и виске. Теперь я помнила, откуда они взялись. Помнила, кто я. Помнила свою семью и стоящего рядом парня, ближе которого – так уж получилось – не было у меня никого на свете. У нас была одна фамилия, и он понимал меня лучше кого бы то ни было, но мы не были мужем и женой. Мы были...

– Близнецы...

Моя память, подобно фонтану, начала выдавать одно воспоминание за другим, возвращая мне моё прошлое...

...Когда-то давно маленькая пятилетняя Энжи, коей я тогда была, вместе с братом услышала удивительную сказку: «Алиса в Зазеркалье» – и буквально заболела ею. Я мечтала, так же как и девочка из книги, попасть в удивительный мир чудес и непонятностей, где жили короли и рыцари, и всё было наоборот, и осматривала все попадавшиеся мне зеркала, упрямо надеясь найти то единственно волшебное, которое пропустило бы меня «внутри». И однажды в магазине, пока брат караулил, чтобы никто не увидел его ненормальную сестру, я вскарабкалась на образцовый экземпляр небольшой аккуратной тумбы для холла к стоящему на ней высокому зеркалу в чудесной резной раме. По какой-то нелепой случайности ещё незакреплённое работниками стекло вдруг покачнулось и с невероятным звоном разлетелось по полу сотней осколков. Не удержавшись на опасно зашатав-

шейся тумбе, я полетела следом и, упав на сплошной ковёр острых как бритва кусочков, бывших минуту назад «волшебным зеркалом», почувствовала внезапную боль, резанувшую ладони и лицо. Последствием того падения и стали шрамы на левых щеке и виске, на всю жизнь отметив меня после удаления в клинике застрявших осколков стекла. Такие же белые росчерки, только менее заметные, я знала, украшали теперь и мои руки.

Спустя несколько лет, уже в школе, преподаватель младших классов однажды объявила, что к празднику Пасхи собираются поставить спектакль «Алиса в Зазеркалье». Тогда я долго пыталась попасть в список маленьких актёров, упрямо не сдаваясь, согласная на любую роль, и прекрасно понимая, что мне с моим лицом главная партия в спектакле всё равно не достанется. Однако же мне удалось покорить свою учительницу. Я всё же получила роль чёрной королевы после того, как однажды пришла на занятия с красивым рисунком на обезображенной стороне лица. Этот необычный узор, нанесённый чёрной тушью, сделал незаметными те самые шрамы, которые выделяли меня среди других детей и превращали в «уродца».

Мэтт всегда заступался за меня, виня себя в произошедшем несчастье – ведь он тоже был там и не остановил глупую упрямую девчонку. Он защищал меня до окончания школы. А потом, в колледже, попав с ним в разные классы, мне всё же пришлось учиться самой стоять за себя. И постепен-

но я научилась пропускать мимо ушей всё, что сверстники говорили мне или обо мне. Я просто штудировала книги и учебники, выжимала из них, а так же из профессоров, всё, что только можно было. Никто, кроме брата-близнеца, не знал, что с того далёкого падения, перевернувшего всю мою жизнь, в сердце маленькой девочки поселилась мечта – самой создать то самое волшебное зеркало. Позже детская мечта превратилась в неодолимое стремление сердца юной идеалистки – когда-нибудь прорваться сквозь хрупкую границу существующей реальности и открыть дверь в «неведомо куда» и «неведомо когда». Чем должно было стать моё изобретение – машиной ли времени или порталом в другие измерения – я тогда не знала. Но окончив колледж, а затем престижный университет, получив учёную степень, открыв научную практику и, спустя годы, выбив государственные дотации на ведение своей работы, всю жизнь упрямо стремилась к своей цели.

И всё же глубоко внутри я была ещё и женщиной, хоть и необычной. В университете у меня даже завязался роман с одним молодым практикантом, который позже вылился в красивую свадьбу. Однако долгим наше семейное счастье не было, потому что на первом месте у меня всегда была работа. Она же, как показало время, была так же моей настоящей любовью, потому что когда муж собрал свои вещи и ушёл к кому-то «более похожему на нормальную подругу жизни», как он тогда выразился, я лишь пожала плечами и снова по-

грузилась в свои исследования.

Единственным человеком и мужчиной, который всегда присутствовал в жизни вечно занятой женщины-учёного, был мой брат, вторая половина моего сердца. Мэтт, который со временем стал очень неплохим компьютерщиком, никогда не упрекал свою сестру в вечной зацикленности на своих исследованиях, а, наоборот, старался помогать советами при составлении необходимых программ. Но, кроме этого, мой брат всегда, словно чувствуя мой «зов», появлялся именно в тот момент, когда был больше всего нужен. Он знакомил меня со своими друзьями и новыми подружками, вытаскивал в кино и на вечеринки, давая возможность расслабиться и отвлечься от работы хоть ненадолго.

И я была благодарна ему за всё это: за его заботу, за неизменную лукавую улыбку на лице, в которой всегда светились любовь родной души и вера в мои силы. За всю жизнь мне лишь однажды довелось увидеть своего брата удручённым. Тогда он зашёл ко мне как-то вечером в гости и, выпив бокал хорошего терпкого вина – я никогда из принципа не держала дома пиво – вдруг серьёзно сказал, что единственное, чего он боится в этой жизни – это смерти, любой. Я тогда посмотрела на него долгим задумчивым взглядом, прикидывая так и этак, можно ли чем-либо ему помочь, и, в конце концов, сказала: «Что ж, значит, придётся изобрести что-нибудь, что сделает тебя бессмертным». Мэтт тогда долго смеялся. Он не сразу понял, что я на самом деле поставила для себя ещё

одну цель в жизни. И только многие годы спустя, когда на свет, наконец, появилось дитя всей моей жизни, моя мечта, название которой – Memory Gene Generator или MGG – имело одинаковые первые буквы с полным именем моего брата – Мэтью Габриель Гэррис, – он улыбнулся и произнёс ту самую фразу: «Вот это-то в тебе и подкупает – ты никогда не сдаёшься».

MGG не был машиной времени. Не был и порталом в другие миры. Он так же не дарил вечной жизни живому человеку. Но в какой-то степени он являлся всем этим одновременно. Мне, профессору Гэррис, удалось создать особое устройство, которое оказалось способно выделить из генной памяти человека её образно-эмоциональную часть, или по другому говоря, реальные воспоминания. Далее эта эпизодическая память передавалась в виде фильма на экран фиксирующего её компьютера, давая возможность узнать, что происходило с отдельно взятым изучаемым человеком в определённое время. Что он видел, что делал, что ел и каково это было на вкус; с кем общался и что при этом чувствовал; даже что ему снилось.

Само по себе это открытие в науке по силе было подобно ядерному взрыву. Это был невероятный скачок человечества в сторону развития и совершенствования цивилизации, и он менял очень многое в её жизни, вплоть до возможности расследования самых громких, но в своё время так и нераскрытых преступлений. Постепенно процесс совершенствовался,

и однажды монитор компьютера стало возможным заменить погружающими в реальность MGG видеофонами, дающими при желании ощущение полного присутствия, как физического, так и эмоционального. Проще говоря, «кино» теперь можно было смотреть даже от первого лица, натягивая на себя личность главного героя.

Однако я не остановилась на этом, и в один прекрасный день весь научный мир был поражён ещё одной невероятной, просто непостижимой новостью. Профессор Гэррис с помощью созданного ею MGG получила воспоминания сначала погибшего животного, а позже и человека. Иными словами теперь MGG действительно превратился в некое подобие машины времени, открывающей двери в эпохи, совершенно чуждые нынешней. Возрождение, средневековье, даже античность – с того момента при определённом везении с материалами для исследований любое время стало доступно для изучения человечеством.

Но моё последнее открытие на тот момент было скорее не финальным аккордом моей работы, а всплеском отчаянья и боли, опоздавшей попыткой выполнить данное обещание. Обещание дать бессмертие. Когда-то давно первым материалом для опытов при разработке прототипа MGG послужил мой собственный ген, позволивший понять, что создать дверь в сказку действительно возможно. В этот раз в блок визуальной материализации первым попал кусочек памяти моего брата, погибшего в авиакатастрофе за несколько

месяцев до этого. Я не успела сделать Мэтта бессмертным при жизни, но смогла вернуть его себе внутри созданного мной устройства. И пусть кому-то это казалось эгоистичным, я просто не могла жить без присутствия рядом второй половинки моего сердца, не могла работать без его поддержки. И теперь я помнила, что мне не хватило совсем немного времени, чтобы доказать последнее – что память умерших людей можно не только воспроизводить, как фильм для изучения. При определённой помощи она способна выделяться из общей генетической информации и образуя некую энергетическую субстанцию, осознающую себя от начала и до конца, образовывать некую электронную жизнь внутри компьютерной системы. То есть постепенно она становится призраком реально существовавшего человека, который помнит всю свою жизнь, может переместиться в любой её момент, ощущает её как настоящую, но при этом находится внутри искусственно созданной электронной сети. Это и было бы своеобразным бессмертием для людей, а так же возможностью увидеть тех, кто давным-давно ушёл в мир иной. Именно это, как я думала, сделать мне и не удалось. А теперь выходит...

– У меня получилось...

– Я в тебе никогда и не сомневался.

Моя память, вернувшаяся ко мне из небытия, разложила, наконец, свои пожитки на полках моего сознания, и, сама не до конца веря в это, я повторила, взглянув на Мэтта огромными от переполнявших меня чувств глазами:

– У меня получилось!

– Да-да, верно, получилось. Только, пожалуйста, не кричи очень громко, мы и так здесь уже порядком пошумели. И даже если переход и находится в другом конце подвала, мало ли что. Вдруг кто да услышит. А нам это сейчас совершенно ни к чему.

– Переход? Какой переход? Хотя это сейчас не важно. – Внутри меня кипел огромный котёл гордости и восторга. Я никак не могла успокоиться и прыгала как резиновый мячик. – У меня получилось! Я сделала это! Сделала! – Но вдруг озадаченно остановилась: – Подожди, но это произойдёт только через полвека!

– Успокойся, Энж, слышишь? – Если бы мой брат был «настоящим», он бы, скорее всего, обнял бы меня, помогая прийти в себя. А так ему оставалось только маячить перед моим лицом, стараясь сфокусировать моё внимание на своей речи. – Я тебе уже говорил, что тебя окружает не совсем живая реальность. Это всё, – он повёл вокруг рукой, – программа. На дворе три тысячи восемьдесят пятый год, и нас с тобой давно уже нет в живых. Но мы продолжаем жить внутри твоего детища. Ты должна это понять, ведь это ты сделала так, чтобы такое стало возможным.

– Понять, – повторила я, обхватывая голову руками. – Это сложнее, чем кажется. Никогда не думала, что кто-нибудь когда-нибудь зарядит мои мозги в мой собственный генератор. Даже не предполагала, что это может кому-либо пона-

добиться. – Я посмотрела на Мэтта. – Ты знаешь, зачем?

Он кивнул:

– За сто с лишним лет на земле случилось очень многое. Болезни, кризисы, войны. И вот теперь – вымирание цивилизации. После последней войны что-то повернулось в психике людей. Число случаев суицида неожиданно подпрыгнуло в несколько десятков раз. Люди кончают жизнь самоубийством, кажется даже без серьёзных причин. Иногда достаточно просто нескольких неудачных дней подряд, когда всё валится из рук.

– Бред, – резюмировала я.

– Именно. Иначе назвать невозможно, но эта ситуация, больше похожая на чей-то воплотившийся в жизнь кошмар, действительно имеет место. Психологи и медики ломают голову над причиной таких перемен в сознании людей. Есть один умник, который во всём происходящем винит созданное тобой устройство – дескать, люди умирают от тоски по прошлому. Кто-то особо догадливый высказал предположение, что всему виной вседозволенность и полная обеспеченность, так сказать отсутствие цели в жизни – иными словами людям просто не к чему стремиться. В ответ учёные вызвались попробовать найти в прошлом панацею от надвигающейся на человечество катастрофы. И вот тогда вспомнили о тебе.

– Обо мне? Причём тут я?

Мэтт улыбнулся в ответ на моё изумление и неожиданно

спросил:

– Анжела, что ты сделала со своим лицом?

– Что?

– Ты помнишь, что ты сделала со своим лицом?

Я посмотрела в по-прежнему отражающее нас зеркало, и мой взгляд наткнулся на изрезанные белыми линиями щеку и висок. Коснувшись их кончиками пальцев, я непонимающе уставилась на брата. В моей памяти не было никаких воспоминаний о том, что я как-то исправляла свой изъян.

– Я не помню...

– Верно. Ты не помнишь. Потому, что ты ничего с ним не сделала. Ты попросту жила с этими шрамами всю свою жизнь, не придавая им особого значения. За всё время, которое я знал тебя, ты ни разу не задумалась о пластике, хотя в какой-то момент уже могла себе это позволить. Ни эти шрамы, ни отношение к тебе окружающих людей, особенно сверстником, ни постоянные унижения и насмешки не ломали тебя. Ты жила и твёрдо двигалась в своей цели. Именно это и нужно было учёным – понять, что помогало тебе идти вперёд и не позволяло сдаться. – На какое-то время Мэтт замолчал, и я заметила, что лицо его стало непроницаемо-серьёзным, а остановившийся взгляд затерялся где-то глубоко в прошлом, как в тот вечер, когда я пообещала сделать его бессмертным. – Сначала из уважения к тебе они не стали трогать твою генную память. Они вообще относились к твоему имени, как к чему-то бесценному, почти святому. И я

могу их понять. – На мгновенье улыбка тронула его губы. – Для изучения была взята память ближайшего к тебе человека, то есть моя. Но в моих воспоминаниях не было того, что было им нужно, ведь я никогда не давал тебя в обиду и потому не мог помнить пережитых тобой унижений. Я их просто физически не видел.

– Ты старался всегда быть рядом, – кивнула я. – И если кто-нибудь в твоём присутствии называл меня уродиной, франкенштейном или лицом со шрамом...

– ...То всегда получал от меня крепких тумачков.

Мне вдруг захотелось взять за руку своего брата. Это был его жест, тот самый которым он часто приводил в порядок мои растрёпанные чувства и обогревал мне душу. Но...

Заметив мой порыв, Мэтт глубоко вздохнул и продолжил:

– Они возились с моей памятью долго, сколько позволило им время, крутя её так и сяк и пытаясь выцепить оттуда хоть что-то полезное для их исследования. В конце концов, через несколько лет, когда ситуация на земле стала критической, они, можно сказать, решились на святотатство. Однажды ты снова открыла глаза и начала проживать свою жизнь заново. Но не всю, а только ту её часть, где тебя постоянно преследуют неудачи и насмешки. И где меня никогда не оказывалось рядом.

Он снова замолчал, а потом посмотрел мне прямо в лицо:

– Анжела, ты правильно сказала: у тебя получилось, пусть и неожиданно, бесконтрольно. Поэтому ты никого не успела

предупредить о возможности возникновения призраков памяти. Люди, работающие с MGG, не знают о том, что каждый ген загруженный в блок визуальной материализации, оставляет свой информационный след в системе, сохраняющийся в ней даже после замены исследуемого гена. Ты даже не представляешь, сколько оттисков чужих жизней находится там сейчас. Они все, как застывшие в янтаре древние насекомые, замерли в своих мирах, после того как снова прожили отражения своей памяти. Но знаешь, немногие из них согласились бы на это по своей воле. Решившись изучать историю путём полного погружения в личности когда-то живших людей и вызвав к жизни их разум, учёные сами того не ведая, преподнесли некоторым из них красочный билет в один конец, на котором огненными буквами выжжены слова: «Добро пожаловать в твой личный ад!» – Я удивлённо взглянула на него. – Да, Энж. Они проживали заново всё, что с ними когда-либо случалось, пока современные профессора исследовали быт различных эпох. Одни из них вновь влачили жалкое существование в нищете; другие страдали от голода и хоронили своих детей, умерших от истощения во время какой-нибудь великой осады; третьих вообще «заново» продавали в рабство, издевались, калечили. И все эти люди не могли остановить это, не могли выйти из этого круга, потому что не осознавали, что это уже не жизнь, а лишь записанный фильм, который можно промотать в любую сторону и выбрать тот фрагмент, в котором они были счастливы. А

потом, когда их отработанный ген отложили в сторону, отключив от программы, они попали в ничто, в вечную тьму и одиночество, навсегда оставшись там и осознавая это. Ведь они так и не стали «призраками».

– А ты?

– Я – стал.

– Но как?! – Во мне вдруг проснулись рефлексы учёного. Захотелось разгадать эту загадку, найти объяснение феномену памяти моего брата. Мэтт рассеянно пожал плечами:

– Ты даже не представляешь, что может сделать с человеком чувство вины...

– Вины?

– Да. Я почти каждый день вспоминал то, что с тобой случилось. Думал, как бы ты жила, если бы этого не произошло. – Он протянул руку и «коснулся» пальцами моих шрамов.

– Но ты не виноват!

– Для тебя – может быть. Но себе я никогда не простил того, что не отговорил тебя тогда, что ты всё-таки полезла на эту проклятую тумбу.

– Но, Мэтт, тебе было всего лишь пять лет!

– Всё равно! Я ведь знал, насколько ты была одержима этой сказкой, этими поисками «двери». И мне следовало всего лишь позвать кого-нибудь из взрослых. Ведь я чувствовал, что ничем хорошим эта затея не кончится. И оказался прав. После этого я всегда старался быть рядом с тобой, что-

бы защитить тебя, если с тобой снова произойдёт что-то подобное, или чтобы тебя никто не смел трогать. Ведь когда ты стала не такой, как другие, дети перестали принимать тебя.

– Но это никогда не мешало мне, – возразила я.

– А мне – мешало. Это мешало *мне* жить спокойно. – Он помолчал немного и продолжил: – Однажды, когда я, как и все другие, кого отключили от MGG за ненадобностью, как уже отработанный материал, находился в той леденящей душу пустоте, я неожиданно услышал твой голос. Ты звала меня, и я чувствовал, что нужен тебе. Придя в себя после минутного удивления, ведь я же был уверен, что умер, и никак не мог понять, откуда ты взялась в моём посмертии, я начал крутить головой, пытаясь различить твой силуэт и понять, где ты, но не мог. Кругом была лишь бесконечная тьма. Потом ты вдруг замолчала, и я снова остался там один. Тогда уже я начал выкрикивать твоё имя, но безрезультатно – ты не отзывалась. – Мне показалось, что мой брат вздрогнул. – Через какое-то время твой голос появился снова, и в нём звучали то ярость и злость, то боль и усталость. Так повторялось несколько раз. Я знал, что нужен тебе, но ничего не мог сделать. И я стал метаться в темноте, но теперь я искал не тебя саму, а пытался найти выход. От отчаянья я почти сошёл с ума и попробовал разорвать эту тьму руками. В какой-то момент мне даже показалось, что мои пальцы действительно осязают её, словно пространство вокруг внезапно превратилось в скользкую, едва осязаемую, но уже трещащую по

швам ткань. И вдруг моё исступлённое сознание вздрогнуло от боли и неожиданности, когда окружающая меня темнота неожиданно сменилась ослепительным светом. Это было похоже на то, как если ты находишься в огромном каменном зале без единого светильника, но с единственным небольшим проёмом, полностью спрятанным светонепроницаемой бумагой. Ты бьёшься в стены этого зала – и в нём нет ни мебели, ни предметов, ни даже теней, только всепоглощающая чернота. И вдруг ты случайно попадаешь рукой в этот самый проём, и тонкая преграда лопаётся от твоего нечаянного усилия. И сперва отшатнувшись от внезапно хлынувшего в глаза резкого света, вдруг начинаешь орать от счастья, потому что понимаешь, что, наконец-то, видишь солнце. – Мэтт улыбнулся своим воспоминаниям. – Сначала я даже подумал, что ослеп – настолько ярким казался мне этот свет. Потом я внезапно осознал, что меня окружает не только он, но и чьи-то незнакомые голоса. Я даже подумал, что попал в иной мир. В Чистилище или в Рай. Ну, ты понимаешь... – Он смущённо взглянул на меня. – Но точно не в ад. Мой Ад остался там, позади. – Я услышала вздох облегчения. – Поначалу я растерянно пытался понять, о чём разговаривают невидимые мне «ангелы», и вдруг услышал твоё имя. Сперва я не поверил сам себе, решил, что мне показалось, но кто-то опять повторил его. Тогда я стал прислушиваться к «их» разговору. Но неожиданно вновь появился твой голос. Он исходил отовсюду. Я попытался найти тебя, но вокруг меня

опять была пустота, на этот раз заполненная светом и головами. Они что-то обсуждали, спорили друг с другом, а твой голос по-прежнему звал меня, он был полон сожаления, что меня нет рядом. Но вдруг что-то изменилось, и моё имя исчезло. Ты всё ещё говорила, но уже не со мной, а скорее сама с собой, успокаивая и уговаривая. Ты словно мгновенно забыла обо мне, о том, что у тебя вообще есть брат – человек, который поможет и защитит. Теперь в твоём голосе сквозило одиночество и уверенность, что только ты сама можешь себе помочь. Я был сбит с толку, ведь такого просто не могло быть. Я позвал тебя, но ты не услышала, и твой голос снова исчез. Остались только те, другие, которые называли какие-то непонятные цифры, отдавали распоряжения и иногда, будто между прочим, делясь друг с другом своими мыслями. Я слушал их долго, очень долго, постепенно осознавая, что со мной произошло и где я нахожусь. Сначала с трудом, продираясь сквозь липкий туман охватившего мой разум шока, а затем, уже успокоившись и смирившись, я, наконец, сложил в своей голове весь сложный и многослойный пазл произошедшего. Я понял: так получилось, что второй Анжелы Александры Гэррис пока не родилось на свете. За столько лет никто до сих пор не понял до конца, как устроено созданное тобой чудо техники. Кстати, – он улыбнулся, – некоторые шутили, что, скорее всего, его тебе или подарила какая-то инопланетная высокотехнологичная раса, заскочившая к тебе на чашку чая по пути к созвездию Скорпио-

на, или же оно является чем-то волшебным, действующим вопреки законам механики и физики. Правда, нашлись и те, кто над этими шутками не смеялся... Однако самой страшной новостью было даже не то, что я стал частью исследования, маленькой частичкой созданного тобой устройства – наоборот, это было даже интересно и захватывающе. Страшным был фон, на котором собиралась эта невероятная картинка. – Мэтт вдруг как-то не к месту шкодливо улыбнулся, заглянув мне в глаза. – В отличие от тебя, большинство учёных похожи на нормальных людей. Они любят общаться и обсуждать те события, которые происходят вокруг них в мире.

Я невесело фыркнула в ответ:

– В отличие от меня, большинству учёных есть с кем общаться, ведь никто не косится на их физиономию в течение всего разговора, невольно отвлекаясь и про себя складывая узоры из белых росчерков на твоей коже. – И тихо вздохнув, добавила: – Меня всю жизнь добивало именно это.

– Тогда почему же ты всё-таки не сделала себе пластику? – Он недоумённо поднял брови.

– Оно мне надо? – неопределённо пожала плечами я. – Шрамы не мешали мне работать. И потом, я к ним привыкла...

– О чём и речь... – Мэтт удручённо покивал, потом откинулся назад и закрыл глаза, прислонившись спиной к стене. – Именно тогда я узнал обо всём, что произошло в ми-

ре за прошедшие годы и что творится в нём сейчас. Постепенно я понял, зачем им понадобилась ты, точнее, твоя память и как они используют её. Понял, зачем, загружая различные частички твоей жизни, они стали править воспоминания обо мне, пытаясь найти ту точку, в которой ты могла бы сломаться. Их до сих пор ставит в тупик твоё упорное сопротивление. Им необходимо какое-нибудь научное объяснение, которое всё разложит по полочкам. Но спросить у тебя... В твоём нынешнем возрасте ты, вероятнее всего, просто пожмёшь плечами, расценив столь идиотский, по моему мнению, вопрос как очередное издевательство. Да и насколько я тебя знаю, ты вообще об этом никогда не задумывалась...

– Могли бы спросить у меня старой, так сказать, умудрённой жизнью, – заметила я, и Мэтт саркастически фыркнул в ответ:

– Ты знаешь, насколько я понял, они спрашивали. И ты ответила, что тебе всю жизнь было на кого опереться в трудное время.

– Ну, да, – улыбнулась я ему. – У меня была такая опора, что любой позавидует. Даже не представляю, как бы я всё пережила без своего брата-близнеца...

– Вот и они так подумали. И решили проверить: а как, собственно, пережила б? И понеслась... Только так уж вышло, что об этом стало известно мне. Не знаю уж, на паранормальном ли или ещё каком другом ментальном уровне

я это почувствовал. — Он задумчиво посмотрел на меня. — Скорее всего, дело в нас с тобой, в том, кем мы друг другу являемся и насколько крепка наша связь. Но я понял, что так быть не должно, и решил во что бы то ни стало помочь тебе. Я был уверен, что мне нужно лишь оказаться рядом с тобой, в твоих воспоминаниях, чтобы ты вспомнила о моём существовании. Однако мне упорно не удавалось придумать, как это сделать. И внезапно в голову пришла поразительно простая мысль: ведь ты всю жизнь мечтала создать «волшебную» дверь, которая приведёт тебя туда, куда ты пожелаешь. И, можно сказать, тебе это удалось. А я? Что я, в сущности, представлял из себя теперь? Честное слово, Энж, мне никогда в жизни не было так весело, как тогда, когда я осознал, что стал обычным вирусом в операционной системе супер-навороченного компа. Но если я — вирус, значит, подобно тому, как мечтала ты, могу проникнуть в любую клеточку этой системы. А это было как раз то, что нужно! Достаточно просто найти проход! Тогда я закрыл глаза и представил, что прямо передо мной в окружающем белом сиянии возникло простая деревянная дверь с обычной металлической ручкой. Я протянул руку и с удивлением ощутил, что мои пальцы сомкнулись на холодном изгибе, а тут же открывшись от удивления глаза подтвердили: получилось! Но меня ждало разочарование: за моей первой дверью оказалась такая же темнота, как та, из которой я сам некогда выбрался, с единственной лишь разницей, что она не была пустой. В ней

кто-то был, но не ты, и я, не раздумывая, закрыл дверную створу. Следующая дверь оказалась чуть в стороне, и за ней во тьме молилась какая-то женщина, одетая в платье времён «трёх мушкетёров». А до какой-то не помню какой по счёту двери мне пришлось топтать на вскидку примерно минут десять – я вообще подумал, что ничего «не создал», когда случайно заметил где-то далеко в белоснежном сиянии едва различимую тёмную точку. В конце концов, у меня начало рябить перед глазами и шуметь в ушах – к тому времени я открыл уже, наверное, несколько сотен этих проклятых дверяшек. И за каждой из них кто-нибудь находился: мужчина или женщина, лорд или простолюдин, или кто ещё. По какой-то причине они не видели меня, словно я наблюдал за ними сквозь односторонние зеркала. А вот я имел прекрасную возможность рассмотреть их, но это занятие даже для меня оказалось не очень простым. – Мой брат поймал мой озадаченный взгляд и объяснил: – Дело в том, что абсолютное большинство тех, чья память разбиралась на фрагменты в MGG, жило во времена глубокой веры и твёрдо знало, что их ждёт какое-то посмертие – Рай или Ад – в зависимости от прожитой жизни. И я не знаю, в какое из этих двух мест попали их настоящие души, но отпечатки их памяти по общему мнению были заперты исключительно во втором. Но, Ангела, они не все заслужили такой участи, так не бывает. Даже я понимал это! Поэтому перед моими глазами проплывали вереницы испуганных, растерянных, опустошённых людей,

не понимающих, за что они так сурово наказаны. Они молились, рыдали, взывали к Господу или к тем богам, которых почитали при жизни, и не получали ответа. Ведь они не осознавали, что уже не являются людьми в полном смысле этого слова. И это было страшно... Но однажды, почти потеряв надежду, за очередной дверью я неожиданно увидел не ставшую уже привычной пустоту со стенающей фигуркой внутри, а обычный класс колледжа. И тебя, что-то быстро пишущую на доске. Вдруг у поверхности доски рядом с твоей рукой вильнул бумажный самолётик и, внезапно изменив траекторию, полетел прямо мне в лицо. Я невольно отпрянул, и дверь захлопнулась. Но прежде я успел отметить, что не помню этого момента, его никогда не было в моей жизни. Значит, рядом меня при этом не было. Я даже разозлился на тебя на секунду: почему ты молчала об этом? Я снова стал искать вход в твою память. Но когда нашёл, не смог переступить «порог» – не пускало то самое невидимое одно-стороннее зеркало. Я даже пытался разбить его с разбегу – безрезультатно. И так было несколько раз – сколько бы усилий я прикладывал к тому, чтобы войти в каждую последующую дверь, незримая преграда не пускала меня. Но однажды я увидел, как ты «подралась» с тем рулоном проволочной сетки, и неосознанно протянул руку поддержать тебя. Признаюсь, я сильно удивился и даже на минуту впал в ступор от неожиданности, когда вдруг оказался на газоне колледжа. Совсем как в твоей любимой сказке – всё наоборот. Тише

едешь – дальше будешь... Если честно, я думал, что Дэрек поможет тебе, и не поверил глазам, когда он попытался тебя ударить. Я не надавал ему по физиономии только потому, что побоялся, что ты снова куда-нибудь денешься. Да и на моей памяти он был совсем другим – я пересекался с ним пару раз при жизни и не замечал за ним садистских наклонностей. В конце концов, определив, что для меня в данный момент важнее, я поспешил к тебе и испытал невероятное потрясение, когда понял, что ты меня не узнаёшь.

– Почему же ты сразу не сказал, кто ты?

– А ты бы мне поверила? – Я почувствовала, что он усмехнулся в темноту.

Я вспомнила сегодняшнее утро и представила, что бы сказала тогда, если бы ко мне в тот момент подвалил совершенно незнакомый парень и представился братом. Это притом, что я смогла вспомнить и лицо преподавателя, и где осталась моя сумка и частично мой дом. А вот родного брата, «кинувшегося» спасти меня сразу же после Дэрека – представьте себе! – вспомнить не удосужилась. М-да... Скорее всего я бы послала его в самую тёмную точку человеческого организма, заподозрив, что новоиспечённый «брат» хочет вообще закатать меня в тот самый рулон, из которого я выбиралась или ещё чего-нибудь подобного.

– Да и зеркальце ты с собой никогда не носила, – продолжал Мэтт. – А у меня ему взяться тем более неоткуда. Посему предъявить тебе доказательства, не отходя от кассы,

я не мог. Поэтому решил для начала увести тебя подальше от вездесущих электронных глаз, а там уже – по обстоятельствам. Вдруг твоя память проснулась бы? Однако мне снова не повезло: я рассказывал тебе истории, которые ты должна была бы помнить, но твоя память не реагировала. Ты будто и вправду была только двойником моей сестры с совершенно иной жизнью.

– Ух, ты! – восхитилась я. – Они, оказывается, научились блокировать определённые элементы памяти. А ты говоришь – не родилась ещё другая Анжела Гэррис.

– Я не говорил, что на земле нет больше программистов экстра-класса, – возразил он. – Я сказал, что пока что не родился другой гений исследований генетической памяти. Это совсем другое. Современные учёные продвинули твоё изобретение со всех сторон, с которых дотянулись, но разобраться, как ты его собрала и какое волшебное слово сказала, чтобы оно заработало, пока не смогли. А хакеров в законе у человечества хватало всегда.

– Подожди, но как же так получилось, что они вообще позволили нам встретиться и поговорить? Почему не нашли нас?

– Отчего же? Нашли. Именно поэтому я и ушёл. Я ведь тоже не знал всех тонкостей твоего творения и побоялся за стабильность разума твоей виртуальной личности...

– Похоже, ты всё-таки слишком много времени проводил в моём обществе, – не удержалась я от ехидного замечания,

услышав такое из уст своего брата.

– А то! – Он коротко засмеялся и, глубоко вздохнув, продолжил уже попроще: – Я не знал, как ты отреагируешь на то, что на твоих глазах вдруг растворится в воздухе человек, с которым ты разговаривала последние минут шестьдесят. Но для меня было очень важно, чтобы ты обязательно постаралась найти меня снова.

– Так вот зачем ты напичкал мою голову такой кучей «следов»? Я чуть с ума не сошла, пока вы с «господами учёными» тащили мою память в разные стороны, – проворчала я.

– Но ведь получилось же!

– Да, уж. Упрямства мне всегда было не занимать...

– Нет, Энж, – возразил мне Мэтт, – это – не упрямство. Это – упорство. Упрямство – сродни глупости. А упорство – это совсем другое. Оно позволяет человеку двигаться к цели, не сворачивая со своей дороги на полпути и, даже обойдя возникшее препятствие, снова на неё возвращаться. И мне повезло: ты нашла все мои подсказки и сделала правильный вывод.

– А Дэрк? Как тебе удалось замкнуть его речь на одной фразе? Ведь это, я так понимаю, твоих рук дело? И куртка, которую, – я вспомнила, – я подарила тебе на восемнадцатилетие, и которой не должно было здесь быть? И вообще, если они тебя всё же нашли, почему же мы тогда до сих пор здесь?

– О-о! В этом вся прелесть моей нынешней сущности. Те, кто находятся вне твоего драгоценного MGG, воспринима-

ют меня, как какой-то неведомо откуда взявшийся в системе обнаглевший вирус, сбой. И они недалеко от истины. Я действительно стал таким компьютерным вирусом, который может слегка исказить заражённый файл. Теперь я – почти волшебник! – Мэтт улыбнулся. – Ты знаешь, они до сих пор не могут найти нас, потому что я, как оказалось, могу при большом желании даже ненадолго подвешивать их «видеокамеры».

– И что, их специалисты до сих пор не уничтожили тебя?

– Они попытались. И частично – да, у них это получилось, – пожал он плечами. – Поэтому я теперь такой... гм... прозрачный. Но никогда за всю историю существования компьютеров ни один программист – будь он хоть самый накрутейший хакер в мире – не сталкивался с мыслящим вирусом, способным защищаться и прятаться, когда сильно припрёт. – Мой брат вдруг тихо засмеялся: – Ты даже не представляешь, какой переполох должно быть сейчас стоит в лаборатории из-за того, что «воспоминания образца изменилось»... На свой страх и риск они даже попытались вмешаться лично, так сказать, и вернуть их в прежнее русло.

– Ну, полагаю, что сейчас они уже близки к тому, чтобы всё-таки перезагрузить систему.

– Что?! – Мэтт вдруг напрягся и, по-моему, даже слегка побледнел. – Да, нет. Они не станут этого делать. Слишком последствия непредсказуемы.

– Ну, да. Я тоже подозреваю, что они до сих пор это-

го не сделали, только потому, что боятся потери какой-то очень важной части информации или вообще распада программы. Но раз уж система подверглась заражению таким «трояном», который не удаётся поместить в карантин, то самое логичное – это хотя бы попытаться спасти то, что ещё не затронуто, то есть обрубить вирусу доступ к основной базе данных. А там глядишь, может, повезёт и основная программа останется целой. Тогда текущий файл уничтожается, а вместо него загружается новая частичка гена... По крайней мере, я поступила бы именно так.

– Вот чёрт! – Мой брат вдруг подскочил как ужаленный. – Идём скорее!

– Куда?

– Мне нужно вытащить тебя отсюда до того, как произойдёт перезагрузка. Иначе всё будет зря, и второй раз проникнуть в твою память я навряд ли уже смогу. Ведь они будут меня ждать. А кроме тебя с поставленной задачей, боюсь, никто больше не справится.

– И куда же мы всё-таки спешим? – быстрым шагом следуя за братом, негромко спросила я. – И главное – что ж это за задача такая?

– Как раз для тебя, – в тон мне ответил он, осторожно выглядывая из-за очередного угла. – Когда ты, наконец, станешь полноценным призраком памяти, выйдя из границ своих воспоминаний и избавившись от опасности быть стёртой или отредактированной, нужно будет найти какой-то способ

общения с теми, кто находится вне MGG. И лучше тебя, знающей своё творение вдоль и поперёк, никто этого сделать не сможет. А когда ты, наконец, заговоришь с этими людьми, то, возможно, поможешь им советом умного человека из другого времени – как раз то, что им нужно! Заодно, ты поведаешь о «призраках памяти» – думаю, им будет интересно – и ещё о судьбах тех, кто этими самыми призраками не стал. И тогда, может быть, вместе вы найдёте способ, как избавить всех этих бедняг от их страданий... – Тут Мэтт на секунду остановился и взглянул на меня: – Но главное – ты сама выберешься из «круга вечных неудач», и тогда я буду спокоен.

Я, молча, следовала за своим братом и думала, много ли найдётся ещё на свете таких людей, которые смогли бы сделать нечто подобное для близкого человека. Хотелось верить, что – да, на чудо ради второй половины своего сердца способны не десять и даже не сто человек, а много больше.

По сути, Мэтт совершил невозможное: услышал мой психикрик, когда я находилась – для сравнения – как будто на другой планете нашей солнечной системы. Ведь исследуемые файлы в MGG по идее не соприкасаются ни одной гранью, только находятся в одном устройстве. Это даже не стопка книг!.. А некоторые психологи говорили, что «феномен близнецов» – выдумка и ловкие махинации жаждущих известности шарлатанов.

Но Мэтт – другое дело. Похоже, то самое дурацкое чувство вины обострило его восприятие происходящего в отно-

шении меня, наделив некими способностями медиума. Но что ещё удивительнее, эти экстраординарные умения, похоже, сохранились у моего брата на генном уровне, потому-то оттиск его памяти, сформировавшись в подобие личности, и услышал меня... Честно говоря, если бы кто-то в моей «прошлой» жизни рассказал мне о такой возможности, скорее всего, я бы посоветовала этому ненормальному отдохнуть или заняться делом, а не забивать голову всякой ерундой.

А ещё мне было интересно, смогла бы я сделать то же самое для своего брата. Скорее всего, нет. Я всегда была помешана на работе и плохо чувствовала окружающую реальность. Даже если речь шла о моём близнеце.

Осторожно продвигаясь по подвалу колледжа, через какое-то время мы остановились напротив хорошо освещённой серой стены с неглубокой нишей посередине, напоминающей давным-давно заложенный дверной проём.

– Тупик, – растерянно констатировала я, но Мэтт покачал головой и улыбнулся:

– Если бы. Это и есть наша цель.

– Что? Ты опять шутишь, что ли? Наша цель – эта стена?

– Мысли шире. Это – шлюз камеры перехода.

– Это?!

– Анжела Александра Гэррис! – взорвался он, наконец. – Включи, в конце концов, мозги! Тебе что, нужно было повесить здесь неоновую вывеску с жирной стрелкой-указателем?!

– Нет, – стушевалась я.

– Тогда что ты ожидала здесь увидеть?

– Не знаю...

– В таком случае... – Мэтт на мгновение задумался и про-
бормотал: – Осталось понять, как он работает.

– Может, я сама попробую, – предложила я. – Куда идти?

Мой брат заинтересованно посмотрел на меня и показал кивком головы прямо на нишу. Я подошла к серой кладке, глубоко вздохнула и положила ладони на холодный камень. Ничего не произошло: кирпичная стена была шершавая, твёрдая и ни расколоться, ни проваливаться, ни вовсе исчезать не собиралась. Я слегка нажала на неё и испугалась – моя «память» отпускать меня явно не собиралась, по крайней мере, добровольно.

– Так не пойдёт, – услышала я совсем рядом голос Мэтта. Я обернулась, и он потребовал: – Смотри только мне в глаза и отвечай. Тебя устраивает та реальность, в которой ты жила последнее время?

– Нет.

Мой брат сделал маленький шаг ко мне и остано-
вился, почти «касаясь» меня.

– Ты хочешь отсюда выбраться?

– Да.

Мэтт шагнул ещё, заставляя меня двигаться перед собой спиной вперёд. Я подумала, что, по идее, должна была бы сейчас упереться в стену. Но не почувствовав преграды, уди-

вилась и хотела оглянуться.

– Смотри только на меня!!! – вдруг оглушительно рявкнул Мэтт, и я от неожиданности подскочила и хотела уже возмутиться, но он опередил меня: – Анжела! На меня! – И ещё один шагок в неизвестность. – Боишься? – Я молча кивнула. – Ты веришь мне? – Снова кивок. Мэтт снова «подтолкнул» меня назад. – Если хочешь, можешь закрыть глаза, – посоветовал он, но я лишь быстро и мелко помотала головой. И внезапно почувствовала, что он тоже волнуется. – Осталось немного – и мы выберемся. – Снова шаг.

Вдруг что-то зашуршало. Звук быстро нарастал, а потом, одновременно с ещё одним шагом, за спиной Мэтта реальность будто осыпалась мелким песком, сменившись непроглядной тьмой. Я испуганно вскрикнула и закрыла лицо руками, каким-то шестым чувством поняв, что меня всё-таки «перезагрузили». Но в ту же секунду почувствовала тепло рук вокруг своих плеч и услышала голос брата:

– Господи! У нас получилось, Энж! У нас получилось!

– Мы выбрались?

– Да, у нас всё же получилось!

– А... ты? Ты же был... – Я растерянно дотронулась до его вполне осязаемых плеч, и он довольно улыбнулся, как кот, облопавшийся сливкам.

– Чёрта с два! Здесь они со мной ничего сделать не могут. По крайней мере, пока. Это моя территория. – Мэтт широко развёл руками, приглашая меня осмотреться. В голосе его

звучало весёлое озорство и ирония. – Не богато, конечно, зато чистенько. Ничего лишнего.

Я огляделась вокруг и от изумления открыла рот:

– О чём ты? Да тут, куда ни глянь, везде двери!

– Чего?! – Теперь уже мой брат непонимающе смотрел на меня. – Анжела, здесь же пусто как в космосе... – Он вдруг осёкся, посмотрел по сторонам и неуверенно добавил: – Энж, я чего-то не вижу?

– Похоже, что так, – кивнула я в ответ.

Мы стояли в огромном, будто лишённом стен, стерильно белом помещении, и нас окружали десятки, а то и сотни дверей. Они были совершенно одинаковые, но находились на разном расстоянии друг от друга, словно за ними были совершенно разные по величине, невидимые глазу комнаты. Удивительным было то, что располагались все двери на невидимых концентрических линиях и «смотрели» в одну точку. И ещё от косяка каждого входа тянулись в том же направлении вмурованные в пол, словно под стеклом, два кабеля – чёрный и белый.

Внезапно мои исследования прервали незнакомые голоса.

– Система перезагружается. Пока отклонений не обнаружено. – Звучание этого женского голоса показалось мне знакомым, как если бы я слышала его совсем недавно.

– Хорошо. Продолжайте наблюдение, доктор Сторн... – А этот мужчина был явно раздосадован. И ещё он нервничал.

– А вот и господа учёные, – усмехнувшись, пояснил Мэтт,

и я кивнула, соглашаясь.

Неожиданно у меня за спиной раздался негромкий шорох. Я оглянулась и увидела, что кабели, которые шли от одной из дверей, изменились. Точнее, изменился только один – чёрный. Теперь он стал радужным, словно его оплётка была прозрачной и сейчас по нему прогоняли все цвета спектра.

– Энж, ты сейчас похожа на кошку, которая наблюдает за привидениями. И это меня сильно нервирует. – Мой брат положил руку мне на плечо и попытался заглянуть в лицо. – Ты бы хоть объяснила, что происходит.

– Подожди, Мэтт. Мне нужно подумать. – Я перехватила его ладонь, отстраняя от себя, и внезапно ощутила, что он вздрогнул. – Что такое? – Я встревожено подняла на него глаза и вдруг поняла, что он тоже «видит».

– Ничего себе! – Он ошалело переводил взгляд с одной двери на другую. – Да тут их ... А мне приходилось выкручивать себе мозги, чтобы увидеть хоть одну. Судя по всему, твой «малыш» признал в тебе свою маму. – Мой брат улыбнулся. Затем его взор наткнулся на радужный кабель и, секунду подумав и посмотрев на другие чёрно-белые трубки, которые убегали от других косяков, сказал: – Видимо, это твою память опять загрузили.

– Видимо, да, – согласилась я, присаживаясь на корточки над загадочной магистралью. – И если я хоть что-то понимаю, это – система трансляции. Но почему один транслятор пуст?

– Он не пуст, – помолчав, произнёс Мэтт, и я удивлённо посмотрела на него. – Скорее всего, это – звук.

Я восхищённо прищёлкнула языком и широко улыбнулась брату:

– Ну, конечно! Звук! Он же бесцветен! – потом проследила взглядом за петляющей среди других дверей разноцветной и белой линией и пробормотала: – Интересно, куда они попадают? Пойдём, глянем? – Я посмотрела на Мэтта.

– Пойдём, – согласился он. – Только руку мою не отпускай. А то твоё чадо, судя по всему, признаёт во мне только дядю и без твоего ведома мне не показывается.

Я хотела съехидничать, что правильно делает, но меня опередил встревоженный голос женщины-учёного.

– Профессор, загрузка прервана. Система показывает сбой в блоке визуальной материализации. Программа не может выдать нам данные по воспоминаниям, потому что не находит объект. Она не определяет генной принадлежности. Такое впечатление, что Анжелу просто напороисто вывели из её собственной памяти.

После воцарившегося недолгого молчания мы с Мэттом внезапно услышали звук глухого удара сильного кулака о столешницу.

– Проклятье! – закричал тот, кого называли «профессор». – Элен, свяжитесь со службой обеспечения программной безопасности! Я хочу, чтобы этого засранца немедленно выбили из генератора и стёрли даже память о нём!

– Профессор, но он же – вирус! Это не безопасно для MGG!

– Именно! Однако эта зараза может сожрать всю программу, а у нас даже нет возможности её восстановить! Нам надо попытаться спасти хоть что-то!

– А это он обо мне, не иначе, – с довольной ухмылкой заметил мой брат.

Я не разделяла его оптимизма, ибо не знала, насколько хороши их спецы и что они могут сделать с виртуальной личностью Мэтта. А ну, как правда сотрут. Или вовсе убьют моё творение. Поэтому я взяла брата за руку и поспешила вдоль светящегося кабеля.

– Пойдём скорее. Нам нужно как можно быстрее подключиться к системе передачи данных с клавиатуры.

– Жаждешь поболтать с профессором?

– Именно. Слышать меня он больше не может, зато между нами возможна высокоинтеллектуальная переписка.

Идти нам пришлось очень недолго: в просветах между дверьми почти сразу замелькало что-то серебристое и, подойдя ближе, мы с Мэттом увидели огромный усечённый металлический холм. Со всех сторон в него «вливались» магистральи трансляторов. Но радужные жилы, в отличие от прозрачных, поднимались по склону примерно на ладонь, прежде чем исчезнуть внутри его блестящей поверхности. В центре образованного срезом плато возвышалась небольшая пирамида, высотой в человеческий рост. Она отливала тем

же металлом, что и сам холм, с той только разницей, что примерно на уровне груди её опоясывали крошечные звёздочки. А из вершины пирамиды вверх вырывалась тонкая световая спица, постоянно меняющая окраску. Но разглядеть, что находится там, где терялся необычный луч, было невозможно из-за белого фосфорицирующего тумана, который, как оказалось, заменял здешнее небо.

Я восхищённо оглядывала невероятную конструкцию, не в силах согласиться с доводами собственного рассудком.

– Это что – всё я построила? – спросила я неизвестно кого, хотя и так прекрасно знала ответ. – Никогда не думала, что изнутри оно будет выглядеть ... так. – Я наклонилась и приложила ладонь к холодной поверхности, в которой чётко увидела своё отражение.

– Вот тебе и волшебное зеркало, – усмехнулся Мэтт. – Полагаю, это и есть система передачи данных?

– И не только. Это сердце Memory Gene Generator. – Я ещё раз окинула взглядом своё творение и пробормотала. – А так же печень, почки, желудок и кишечник со всеми вытекающими. Нам вон туда, – сказала я громче, указав на пирамиду, и осторожно ступила на покатый склон.

– Смелее, Энж, ты же теперь – компьютерный фантом, – подбодрил меня брат. – MGG даже твой самый сильный удар не почувствует, если ты не сделаешь его осмыслено. Но ты можешь летать по воздуху, если тебе так будет спокойнее.

– Спасибо. Предпочитаю по старинке, ножками.

Как ни странно, словно почувствовав мою заботу, мой «малыш» ответил мне тем же: в гладкой металлической поверхности появилось некое подобие ступеней.

– Ого! – уважительно присвистнул Мэтт, поднимаясь следом за мной.

Взобравшись наверх, я обошла пирамиду со всех сторон. Она была совершенно гладкая – никаких символов, надписей или чего-либо, что хотя бы намекнуло мне, как работает это устройство. Только яркие огоньки будто бы вросших в неё звёзд переливались, как бриллианты в очень дорогом колье. Я хотела было потрогать один из них, как вдруг вздрогнула от неожиданности, услышав ещё один незнакомый мужской голос «извне».

– Привет, Элен! Что тут у вас?

– О, Господи! Испугали! – выдохнув, пожаловалась я. – Уж и забыла про них...

– Судя по всему, новая активность вируса, – ответила доктор Сторн неизвестному. – Сбой рабочей базы.

– Ага. Ну, давай глянем.

– Уильям, пожалуйста: минимум разрушений, – озабоченно попросила доктор.

– Конечно-конечно, – бодро отозвался тот, но по голосу я поняла, что он уже целиком в работе. – Сейчас запустим паутиный сканер и найдём этого жука-файлоеда...

Тон этого мужчины мне совершенно не понравился. В нём была уверенность и решимость. Наверное, я сама когда-то

была такой, но сейчас я причислила эти черты характера к серьёзным минусам, потому что они сулили нам с братом большие проблемы. Я лихорадочно соображала, где мне найти выход на дисплей их системы.

Тем временем мужчина начал насвистывать какую-то мелодию, и мне почему-то стало по-настоящему страшно.

– А что, – как бы между прочим спросил он, – коррекция поведенческого воспоминания объекта не удалась?

– Нет.

– Поня-атно, – протянул его голос и после небольшой паузы добавил. – Ну, что ж, придётся ампутировать целую папку. Она больше не функциональна. А ещё мы сейчас прочешем всю систему. Где-то же должен прятаться это поганец...

– Анжела, мне это как-то не нравится, – сказал подошедший ко мне Мэтт.

– Мне тоже, – проворчала я, разглядывая светящиеся звёздочки и пытаясь найти хоть какую-то подсказку. – Ну же, миленький, покажи маме, как ты работаешь.

Я прикоснулась пальцами к огонькам и удивлённо ойкнула. Металлическая поверхность грани под ними, только что бывшая твёрдой как шлифованный алмаз, неожиданно стекла жидкой ртутью вниз на полметра, и моим глазам представла панель со множеством бегунков и регуляторов, очень похожая на оборудование в звукозаписывающей студии.

Меня осенила догадка. Я быстро перебежала к другой грани, и на этот раз мне повезло. Когда текучая панель «отъеха-

ла» вниз, передо мной возникла сенсорная клавиатура с кучей дополнительных кнопочек и узким как у калькулятора, но зато очень длинным экраном.

– Есть! – заорала я от избытка чувств. – Мэтт, я нашла!

Брат подлетел ко мне и, обняв за плечи, звонко чмокнул в макушку, с интересом разглядывая необычное устройство:

– Повторяться не буду. Ты и так знаешь, что я о тебе думаю. Только, Энж, давай быстрее, а то нас, кажется, всё-таки решили стереть, и скоро нам придётся делать отсюда ноги.

С этими словами он развернул меня на сто восемьдесят градусов, и я увидела серую завесу, очень похожую на пелену летнего ливня. Она была ещё далеко, но, судя по тому, как постепенно исчезали за ней и становились размытыми пятнами многочисленные двери, медленно и неумолимо приближалась.

– Это что, дождь? – не сразу поняла я.

– Ага, кислотный. Специально для нас с тобой в небесной канцелярии заказали, – нервно съехидничал Мэтт. – Энж, не тормози. Это – система обнаружения и локализации вирусов. И хотя мы с тобой в полной мере ими не являемся, мне совсем не хочется проверять, как она среагирует на незапланированных призраков.

– Вот, дрянь! – в сердцах выругалась я и, повернувшись к клавиатуре, набрала первое, что пришло мне в голову:

«SOS».

Мы с братом затаили дыхание, прислушиваясь к внешним

звукам и ожидая хоть какой-то реакции.

– А если сейчас рядом с экраном никого нет? – холодея от такой возможности, едва слышно произнесла я.

– То готовься в красивом длинном прыжке нырять в ближайшую дверь, – тоже почти шёпотом ответил Мэтт.

В этот момент «снаружи», судя по звуку, кто-то уронил на пол что-то небольшое, но ёмкое. Скорее всего, нечто похожее на планшет. Затем раздался растерянный голос доктора Сторн:

– Что за?..

– Что стряслось? – благодушно отозвался Уильям.

– Уил, из системы пришёл сигнал о помощи.

– Чего?! – теперь и в его голосе больше не было ни следа благодушия. Зато удивление било через край. – Покажи... Точно, из системы... Это что-то новенькое – говорящий вирусика...

Поняв, что нас «услышали», я в спешке набрала следующее послание:

«Мы – не вирусы. Мы – системные фантомы. Призраки памяти. Я всё объясню вам, только остановите чистку. Пожалуйста! Быстрее!»

– Ого! Разумный вирус! – Видимо, моя тирада произвела на слушателей-читателей неизгладимое впечатление. Особенно на Уильяма.

Я пустила в ход последнюю карту:

«Доктор Сторн! Я – Анжела Александра Гэррис! Умоляю

– отключите антивирус!»

– Уил, останови! – закричала женщина.

– Но...

– Под мою ответственность – отключай!

Серая пелена остановилась чуть дальше второго круга дверей.

– Энж, – хрипло произнёс Мэтт, – если у нас с тобой не выгорит, добежать мы, возможно, уже не успеем.

– Значит, нужно сделать так, чтобы выгорело, – вздохнула я с облегчением и набрала на клавиатуре:

«Спасибо, Элен!»

Однако внезапно прозвучавший голос заставил нас с братом снова напрячься.

– Что у вас здесь происходит?

– Профессор, Анжела нашлась, – взволнованно ответила доктор Сторн.

– Прекрасно, Элен! Значит, починили? А вирус?

– Нет, профессор, – попыталась объяснить та. – Не совсем починили. Неисправности, скорее всего, не было вовсе.

– Не понимаю... Вы сказали, что Анжела нашлась.

– Да. Она... Она была... – Женщине явно требовалась помощь. И я написала:

«Я нахожусь не внутри своей памяти. Мой брат, Мэтью, вывел меня оттуда, и сейчас мы находимся в свободном пространстве системы».

Профессор, прочитав моё послание, отреагировал совсем

не так, как бы мне хотелось:

– Что это? Что за ерунда? Кто это пишет?

– Анжела.

– Что-о?! Вы с ума сошли?! Что за чушь Вы несёте?! У генной памяти не может быть собственного выхода на другие системы! Она существует внутри себя! Понимаете, Элен? Внутри!

– Я тоже так думала, профессор, но, видимо, мы чего-то не знаем! Папки «Анжела Гэррис» больше не существует – её только что удалили! А нечто, называющее себя её именем, посылает нам сообщения! И не откуда-нибудь, а из глубин MGG!

– Кто Вам такое сказал?!

– Я, – вклинился в их горячий спор спокойный голос Уила. – А уж в отслеживании поступающих на софт сигналов и определении их природы я, Уильям Парс, являясь начальником службы обеспечения программной безопасности, – при всём уважении – понимаю больше Вашего, профессор. Я уверен на сто процентов, что этот сигнал идёт изнутри данной программы. И на девяносто, что это – не вирус.

– Так. Значит, на девяносто. Хорошо. Как руководитель исследовательской группы, я приказываю немедленно очистить систему от мусора. И если сейчас мы по вашей милости потеряли самую большую на сегодняшний день ценность научного мира, я засажу вас за решётку за саботаж! Приступить!

Это был конец. Пусть кто-то нам и поверил, но их голоса не имели необходимого веса для того, чтобы оставить нас «в живых». Следовательно, выполняя непосредственно распоряжение старшего, нас попытаются стереть. Какое-то время мы с братом, наверное, сможем прятаться за другими дверями – благо, их здесь предостаточно, – но, по-сути, мы будем обречены на вечное заточение в качестве ненужного хлама. Нет, можно ещё заняться диверсионной деятельностью и «освободить» все запертые здесь отпечатки памяти. По крайней мере, скучно нам с братом тогда уж точно не будет. А будет даже интересно – пообщаться с людьми из других эпох, – если бы не одно громадное «но». В этом случае MGG сочтут вышедшим из строя и сначала будут долго и упорно «препарировать», пытаясь понять, как он устроен, а затем просто разберут на запчасти, сдадут на металлолом или что там сейчас делают люди с вышедшей из строя техникой. Этого я допустить не могла. Мэтт правильно сказал: Memory Gene Generator был не только моим творением. Это был мой ребёнок. Мой малыш. И я не могла позволить кому-либо уничтожить его. Значит нужно найти другой способ, как помочь заключённым внутри своих системных ячеек – пусть и не совсем, но – людям.

– Энж, нужно двигаться. – Мэтт положил ладонь мне на плечо. – Систему антивируса запускают на продолжение в любой момент.

И меня вдруг обуяла одновременно ярость и бесшабаш-

ность воина, который идёт на свою последнюю битву. Я резко стряхнула с себя руку брата и опять положила пальцы на «клавиатуру».

– Ну, уж дудки, – зло бросила я. – Мы ещё поборемся. Посмотрим, насколько ты «учёный»...

«Эй, профессор! Хотите знать, как работает MGG? Могу рассказать. Это же моё детище».

Отправив сообщение, через несколько секунд мы с Мэттом слышали голос Элен:

– Профессор, это Вас.

Не теряя времени, пока внимание этого упрямого осла было приковано к моим словам, я добавила:

«А Вам терять всё равно нечего: если я вирус, то у меня была уйма времени, чтобы сожрать больше половины системы. А если нет, то спокойно работать я Вам всё равно не дам. И чтобы от меня избавиться, Вам придётся полностью очистить память MGG, уничтожив при этом всю накопленную информацию. Ну, что? Рискнёте воевать со мной или же предпочтёте разгадать загадку уникального прибора? Я ведь могу рассказать о нём много чего интересного. А там глядишь, может, и человечеству помочь сможем».

– Мистер Парс, подождите! – вдруг резко крикнул профессор, и я очень отчётливо поняла, что победила. Рядом со мной как оглашенный заорал Мэтт, заключая меня в убийственные объятия, от которых у меня, кажется, захрустели рёбра.

– Энж, ты – гений! Гений!!! Ты его сделала!

– Все мы, учёные, одинаковые, – прохрипела я, чувствуя, что сейчас разревусь, но не от боли, а от облегчения. – Теперь я понимаю, зачем ты так упорно тащил меня из моей собственной памяти. – Я, наконец, наполнила грудь воздухом и смогла говорить, когда мой брат отпустил меня. – Попробуй доказать, что ты не верблюд, когда стоишь в шкуре верблюда. Тут, блин, это не всегда получается, когда просто стоишь рядом с ней. Находятся те, которые уверены, что ты мутировал.

Мэтт засмеялся, а потом вдруг замолчал и просто улыбнулся мне.

– Я не мог допустить, чтобы ты была там одна.

– А я обещала тебе бессмертие, помнишь? – Я тоже ответила ему улыбкой. – И не могла позволить им нарушить моё слово.

Мой брат огляделся по сторонам, и я неожиданно осознала, что не держу его за руку, а он, судя по всему, прекрасно видит окружающее.

– Вижу, мой малыш тебя признал? – с лёгким удивлением спросила я, и он лукаво улыбнулся:

– Ага. Можно сказать, мы с ним от испуга подружились, когда нас стирать собирались.

Я хотела сказать что-нибудь одобрительное, но меня перебил голос профессора:

– Анжела?

– Ну, что ж, давайте знакомиться? – вздохнув, пробормотала я и набрала ответ:

«Слушаю Вас, профессор»...

Мы с Мэттом были живы, и теперь мне предстояло выполнить свою часть сделки. Отныне на это у меня была целая вечность времени. Правда, только у меня. Мои собеседники таким сокровищем не обладали. Поэтому мне всё же следует поторопиться. Я расскажу им всё про MGG: про его устройство, принцип работы, нюансы составленных программ – в этом мне поможет Мэтт. Расскажу об «оттисках памяти» и вместе мы подумаем, как можно прекратить их мучения. Заодно обсудим, что может помочь вернуть к жизни затухающую цивилизацию. Обязательно поведаю о «призраках памяти» и об их возможностях. Нужно будет попросить их сконструировать для нас с Мэттом особую «реальность», похожую на нашу жизнь, но без нас самих, чтобы мы с ним не свихнулись от постоянного пребывания в этой бесконечной белизне. О том, как это можно сделать, нужно будет поразмыслить отдельно.

Ах, да! Самое главное! Надо будет обязательно предупредить их о том, чтобы они более тщательно выбирали материал для исследований. Не то следующий призрак памяти нечаянно разнесёт моё творение на молекулы, пытаюсь прорваться ко второй половине своего сердца, не важно, кто это будет: сестра, жена или ребёнок. Иногда человек способен на невозможное, когда речь идёт о тех, кого он любит и для

кого живёт его душа.

А пока...

Я улыбнулась, услышав разговор двух людей «во внешнем мире».

– Спасибо, что поддержали, Уильям. Вас ведь могли из-за меня уволить.

– А, ерунда... Я и сам почему-то был уверен, что вы правы... Послушайте, Элен, раз уж всё так хорошо закончилось, может, поужинаем сегодня вместе?

– С удовольствием, Уил...